

ЭХО ПЛАЧУЩЕЙ ЗЕМЛИ

Валерий ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ
г. Москва

ЖУРНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ РОМАНА

В магазине кто-то кивнул в его сторону и бросил: «Вон тот бритый, говорят, вернулся с фронта». Так за ним закрепилась его помета в этой деревне — «бритый с фронта». Звали его Прохором, а деревня называлась Кремнёвка — с большой, почти полутысячелетней историей, начатой ещё Колтовскими купцами при Иване Грозном.

Поселился он на краю деревни, в доме, который лет десять пустовал. Соседка Прохора по прозвищу Нина-химик знала хозяйку этого дома Аксёну Олеговну. Та свой двухэтажный дом лет десять как забросила и долго никому не хотела продавать. И вдруг — на тебе! — продала. Хозяином стал Прохор.

Был он наголо брит, худой и сутулый, глаза казались оловянными с синими прожилками, мотал по деревне на мотоцикле и об-

щался только с одним мужиком — Серёгой — грузчиком, работавшим через смену на Каширской железной дороге. Жили они рядом, а сошлись «по общему знаменателю» — холостому одиночеству и тяге к выпивке.

Сорокапятилетний Серёга — крепкий, плечистый, загорелый, с подстриженной под бобрик головой, с узкими, как у птицы, серыми глазами, пил не переставая — то с матерью, которая на этом деле уже заработала инфаркт, то самостоятельно. Многие в деревне часто видели, как Серёга, вернувшись с работы и выспавшись, отправлялся пешком за водкой в посёлок Григорьевский, находящийся в двух километрах от Кремнёвки. Купив водки, Серёга не спеша возвращался домой, по дороге побулькивая по глоточку, так что, дойдя до дома, был уже навеселе, в

«привычной кондиции». Где-то он вычитал, что во времена Екатерины водка считалась самым элитарным напитком в мире, и поэтому был уверен, что алкоголизм — это болезнь, а его пьянство — приятный досуг. В посёлке к этому привыкли и даже не осуждали.

Жил Серёга в маленьком доме, в одной комнате со старой бабкой Серафимой, которой было уже под сто лет, и с пенсионеркой-матерью. Рядом с ними в новом, собственными руками построенном доме жил сын бабки Серафимы — Виктор — работающий и, как говорили в старину, «справный мужик» лет за шестьдесят. Виктор не раз предлагал старой матери переехать в свой дом, поменьше видеть горе-внука и спившуюся дочь, но старуха так прикипела к «собственной конуре», построенной ещё покойным мужем, что никакая сила не могла оторвать её от воспоминаний о любимом Георгии.

Жизнь Серёги изменилась, когда появился Прохор. Серёга звал своего нового приятеля длинной, но не злобной ругалкой — «брат по заливу баков» и «молчалник о подвигах на фронте». Теперь они вместе гоняли на старенькой «Яве» за водкой в посёлок, устраивались на застолье то у Прохора в особняке, то на скамейке рядом с домом Серёги. Серёга не оставался в долгу, исправно снабжал Прохора закуской — салом, хлебом, подоспевшими свежими парниковыми огурцами, которые они засаливали быстрым способом в пакете с укропом и чесноком.

Застолья шли через день, по графику работы Серёги. Обделённый большими заработками, с устоявшейся безотцовщиной, Серёга не мог нарадоваться своему новому приятелю. У того был собственный дом, интересные планы. Прохор собирался «свою развалину» привести в порядок и построить автомастерскую. Ко всему прочему Серёга успел заметить, что у нового дружка были немалые деньги на карточке, видимо, накопленные ещё на фронте.

В целом, дружба держалась на том, что Серёга был у Прохора всегда под боком, любил

поговорить и поспорить, а главное, помогал фронтовику «заливать баки». Правда, в отличие от Серёги, Прохор пил, но знал, чего хочет. Серёга пил из протеста, подавляя нереализованную энергию. К тому же Сергей ничего не тратил на выпивку, так уж повелось, что всегда угощал Прохор. Даже когда Серёга в порыве заплатит за водку в складчину тянулся к карману, Прохор останавливал его. Делал он это легко и уверенно, так что Сергей постепенно привык, что его приятель — «благотворительный отдел» Сбербанка.

Когда Прохор расплачивался, продавцы обращали внимание на его руку и сочувственно приглядывались к его облику. Правая рука Прохора была оперированной и заметно усохшей. Рана заросла неровно и отмечена была красноватыми, как электропровода, прожилками. По этой причине его и комиссовали из армии, куда он, как позже выяснилось, пошёл добровольцем ещё в начале СВО. Однако усохшая рука не мешала ему лихо водить мотоцикл, а однажды Прохор похвастал, что с этой рукой он мог бы любой танк провезти по деревне не хуже настоящего танкиста.

О войне он практически не говорил, видно было, что досталось ему немало, поэтому сейчас, после комиссования, ему хотелось пожить, или, как он часто повторял, «почудить».

Тем временем лето набирало силу: в начале июня стало жарко, а потом пошли дожди и похолодало. Рядом с Серёжкиным домом теперь посидеть не получалось, дождь лил не переставая, поэтому они, сгоняв под нейлоновыми накидками в магазин, устроились «чудить» в доме Прохора. Надо заметить, что запущенный дом продувался со всех сторон. Особенно настойчиво сифонило со второго этажа, где дети местных дачников повыбивали в окнах стёкла. Ночью через остатки стёкол, как в волшебном калейдоскопе, светило небо и видны были длинные струны кабелей, тянувшихся к деревне и дальше, через Каширский район, в город Тула.

На первом этаже была комната, которую Прохор приспособил для жилья. Там находи-

лась большая тахта, раздвинутая вдоль стены, на ней — кучей свалено постельное бельё. У другой стенки громоздился, как монумент, старинный тёмно-коричневого цвета буфет с наполовину битой посудой. В центре, словно из подвала, пророс круглый с облезлыми ножками стол, накрытый ковром, снятым со стены, а рядом беспорядочно расположились ветхие стулья, сидеть на которых приходилось осторожно, крепко опираясь ногами, чтобы не свалиться на пол.

В эти дождливые дни, когда приятели устраивали застолье у Прохора, оба, как правило, после первых стопок начинали разговоры на разные темы. Поскольку из Прохора мало что можно было вытянуть о его военных подвигах, то говорил чаще Серёга.

Общаясь с грузчиками на станции, он немало знал о подноготной жизни, разбирался в людях, нередко смело и зло говорил о бесцеремонности власти, но больше всего мечтал о скорой победе в СВО. Ему казалось, что победа изменит его жизнь, будет надбавка к военной пенсии, появится «уважуха» к такому, как он, а Россия докажет всему миру, что, несмотря на ухищрения всяких военных жуликов, мощь русского оружия до сих пор неоспорима.

Эту необоримую уверенность в силе русского оружия Сергей усвоил ещё с детства от своего деда Григория, который прошёл всю Отечественную и портрет которого в рамочке висел в комнате на почётном месте. В своё время, когда Сергей служил в армии, он получил на военных учениях тяжёлую черепно-мозговую травму, больше недели был в коме, а после, когда пришёл в себя, его, как и Прохора, комиссовали. Позже ему оформили небольшую пенсию по инвалидности. В связи с этой травмой сослуживцы с почётом отправили его на пенсию, а начальство отметило грамотой «за активное участие в военно-патриотических сборах». Грамота висела в доме рядом с портретом деда.

Следует заметить, что когда начались военные действия на Украине и Сергей обратился в военкомат, то на СВО его не призвали. По-

сле этого он целый месяц каждый день пил, и старая травма дала о себе знать — выявила симптомы нарушения координации. Хочешь не хочешь, но постепенно он смирился и решил, что русскому человеку, оказывается, плюнуть некуда, а поскольку от роду был силен, то и двинул работать грузчиком, чтобы, как он выражался, «растрачивать силу по пустякам».

Поскольку и тот и другой на военной службе были травмированы и по схожей причине оказались, по выражению Серёги, в «кувете жизни», то их приятельство вскоре переросло в дружбу и помогало обоим держаться на плаву.

Нередко после первых ста граммов Серёга, оглядывая запущенный дом Прохора, наставлял друга, что пора ему закончить «чудить», взяться за дело и строить автомастерскую. Серёга тайно верил, что в мастерской Прохора ему найдётся место, радовался, что работа будет под носом и что хоть подсобным рабочим он сможет пригодиться.

— А то смотри, — поучал он друга, — если ты до конца сентября дом не отремонтируешь, то в холодирыгу, особенно зимой, я могу найти тебя в этой комнате окоченевшим и обглоданным местными собаками, поселившимися в китайском хозяйстве неподалеку за рекой.

— А что, китайцы и сюда проникли? — с удивлением спросил Прохор.

— Одно время от ковида убежали, а сейчас, слышать, непременно вернуться. У них на той стороне Беспуты хозяйство. Сейчас, говорят, русские их теплицы присвоили.

Нередко Сергей, втянувшийся в свободное от работы время гулять «на халяву», деликатно расспрашивал друга, что тот будет делать, когда у него закончатся деньги и он окажется в обнимку с костлявой рукой нищеты.

— Ты за мою «нищету» не волнуйся! — отзывался Прохор надтреснутым, сорванным на фронте голосом. — Вот попьём, почудим — и возьмёмся за ум.

— Что, и за мой ум возьмёмся? — спрашивал счастливый Серёга, радуясь, что и ему уготовано место в планах его друга.

— А как же! — уверенно отвечал Прохор. — И тебе место найдётся. Не всё же тебе на станции шабашником работать, такую силу надо в мирных целях использовать.

Серёга тут же начинал допытываться, какие это будут «мирные цели», и тогда Прохор брался «фонтанировать». Он рассказывал, какой вскоре затеет ремонт, что — не исключено — назло григорьевскому Фёдору откроет в этой части деревни свою автомастерскую и наконец, может быть, вызовет сюда свою «дюймовочку», с которой переписывался, находясь на фронте.

Между тем погода не менялась: дождь лил не переставая, а чумазные облака низко налегали на высокие столбы электролинии. Когда вспыхивали молнии, оба приятеля вздрагивали. Казалось, что если ещё раз так полыхнёт, то дом может загореться. Чтобы не ездить в такую погоду каждый раз в магазин, приятели на всякий случай взяли впрок ящик водки, хлеба, две большие свиные рульки, горчицу и засели в доме капитально. Надо сказать, что хоть пили они немало, но до «белочек» не доходило, утром умели радоваться жизни. А тут как-то Серёга перебрал и проспал у Прохора всё на свете. Днём он понял, что опоздал на работу и в доме один. Когда он оклемался, то на ковре стола нашёл записку: «Не мог тебя разбудить! Поехал на станцию работать вместо тебя. Отсыпайся. Встретимся вечером. Попробуй у Нины-химика одолжить картошки».

В этот день впервые Серёга узнал Прохора в «нештатной ситуации». Мало того, что приятель выручил его, сочинив на работе, что Сергей Водолагин подвернул ногу, но и показал характер — умение пить, но дело разуместь. Кстати, через день, когда Сергей появился на работе, коллектив грузчиков поставил ему в пример Прохора: мол, хоть и худ твой приятель, а силы у него на троих. Поступок Прохора ещё больше сдружил приятелей, так что теперь Серёга в свободное время

пил без стеснения, заливал помногу, зная: если что, у него не будет прогула — его всегда заменит Прохор. Так вскоре и получилось. Опять на День памяти святых Царственных мучеников — царя Николая и иже с ним убиенных — он проспал, и опять вместо него вышел на работу Прохор.

В один из вечеров, когда Серёга вернулся с работы и намылился с устатку с Прохором выпить, неожиданно в открытый двор въехала «Приора» Виктора Георгиевича, дяди Сергея. Дав громкий сигнал, Виктор Георгиевич оповестил хозяина, что приехал не один. Каково же было удивление друзей, когда из машины выползла столетняя бабка Серафима и, опираясь на клюку, решительно направилась к дому. Серёга схватился за голову, попытался даже спрятаться на втором этаже, но Прохор приказал:

— Сидеть! Вступим в мирные переговоры — авось пронесёт. — Но не получилось. Бабка ещё с порога так на них накинулась, что оба они присмирели и от стыда вросли в землю.

— Вот они, голубчики! — кричала она звонким голосом, привыкшим смолоду отличать в хоре. — Ни дождь, ни гром им не помеха. Пьют мужики! Пропивают последний разум и силу. С работы тебе, Серый, звонят, куда пропал главный трепач? Этому чудика тоже звонят, спрашивают, как здесь дела, идёт ли ремонт? А тут — нате, пожалуйста! Столько водки на столе, да ветер гуляет по всем окнам! — бабка Серафима ткнула клюкой в сторону второго этажа, а потом неожиданно саданула палкой о стол и ещё громче закричала поставленным голосом: — Ну, этот-то... ещё с армии умом поехал! — указала она клюкой в сторону Сергея. — Он, как на учениях под взрыв попал и с грамотой вернулся, как придумал себе геройский отпуск пенсионера, так до сих пор и продолжает. Но ты-то, Прохор!.. Ты-то куда тянешься за ним?! Тебе дом уступили, надеются, что ты тут порядок наведёшь! Обещал дочь Аксёны, Лизу, замуж взять! А ты, оказывается, ей даже позвонить стесняешься! Мне, столетней бабке, приходится сюда ехать, на ваш цирк смотреть,

узнавать, как тут дела! А тут не дела, тут — «органія»! — Бабка, видно, хотела сказать «оргия», но у неё получилось что-то музыкальное и трогательное. — Ты же фронтовик, Прохор! — не успокаивалась она. — Воевал как полагается, орден Мужества имеешь — и вдруг скатился! Мирное время не для пьяни тебе дано! На вас надежда появилась: жизнь лучше сделать! А ты?! Обещал дом поставить, мастерскую сделать! И где это всё? Нетути! Одни бутылки вокруг. Я тоже фронтовичка, деда и его друзей молодыми помню, так они спирт как лекарство пили! А вы, как два насоса, полмагазина в Григорьевском скупил! Хватит! Кончайте это безобразия. Русские — не пьянчужки! Они могут быть долго не в себе, но знают: на чужую работу глядя, сыт не будешь! Бог нас пока не оставил. Поняли?! Не слышу, поняли?

Прохор помялся на стуле и тихо сказал:

— Поняли, баба Серафима, с завтрашнего дня чудить больше не будем. И верно вы сказали: «Бог нас пока не оставил».

Неожиданно подключился Виктор Георгиевич:

— Ты бы, Прохор, позвонил Аксёне Олеговне. Женщина волнуется. Она хоть и продала тебе дом, а душа за него болит. Надо всё сделать, как ты ей обещал. Если до зимы дом не отремонтируешь, жить здесь будет невозможно. — Он помолчал и вдруг добавил: — Надо будет — помогу с материалом, связи есть, и станки пока в исправности.

— Спасибо, Виктор Георгиевич, — тихо отозвался Прохор и замолк.

Возникла длинная пауза, всё, кажется, было сказано. Бабка Серафима молча, без слов, грозно потрясла клюкой, развернулась, хотела идти дальше, но приостановилась и чётко сказала:

— Девочку побереги. Мать говорит, такие ей письма с фронта писал, а сюда уехал — на водке женился. — Уже совсем в дверях бабка вновь остановилась и прошептала: — Запомните оба: водка с разумом не ходит! — затем, что-то бормоча себе под нос, старуха пошла на выход.

Все трое мужчин, глядя на неё выпученными глазами, не могли постичь, откуда у неё такая мощь. То ли к ста годам другая сила даётся, то ли, как говорят знатоки, у фронтовичек воля вместо крови бежит.

Гости ушли, возникла долгая пауза. В шуме дождя было слышно, как загудела машина и, проскочив лежащие на боку ворота, уехала.

Между тем оба приятеля сразу отрезвели. Сергею, услышавшему от бабки новые сведения о Прохоре, хотелось скорее узнать что-то заветное, ни разу Прохором не сказанное, но тот молчал, хмуро глядя в пол и играя желваками. На плите, подключённой к большому красному газовому баллону, застучала на кастрюле крышка. Прохор подошёл, выключил газ и, слив горячую воду, высыпал картошку, одолженную у соседки, в огромную с отломленным краем миску, подсоллил содержимое и подал к столу. Серёга наконец пришёл в себя, отряхнулся, словно намокшая птица, и разлил оставшуюся в бутылке водку на двоих.

— Давай это допьём, а завтра, так и быть, возьмёмся русскими становиться.

Прохор не откликнулся. Тогда Серёга выпил один и задал мучивший его вопрос:

— Что, вправду жениться обещал?

Прохор молчал.

— И что у тебя за «дюймовка» такая, что Серафима приехала за неё заступаться? Расскажи... по себе знаю — легче станет.

— Ты трепач, Серёга, а мне — говорить, что со штангой возиться. Жениться я не обещал, но переписка была. Полгода назад удалось вызвать её в часть. Мать отпустила под честное слово, а ротному я соврал, что жена приезжает. Два дня мы пробыли вместе под Донецком у родителей моего сослуживца, сошлись без всяких обещаний и решили, что она уговорит мать, чтобы та продала дом, потому что меня из-за руки постановили списать. Денег я заработал немало, приехал к ним и договорился с Аксёной Олеговной о цене. Составили договор, расплатился, получил все бумаги на дом, а им, как уехал, перестал звонить.

— Почему? — с удивлением спросил Сергей.

— В Москве с одной шлюшкой сошёлся. Понравилась она мне... Я после фронта словно каменный стал... кончить не могу. Кто-то внутри клещами держит... Страх, что ли, или болезнь какая-то. Шлюшка меня бросила, видно, другого получше нашла, а я боялся звонить Лизке, стыдно стало. В Москве однажды ходил на приём к психологу. В чём дело, спрашиваю? Когда разговорились, он успокоил: «Пройдёт, — говорит, — это у тебя после войны так получилось». А до войны морг своё дело сделал.

— А ты что, и в морге работал?

— Да, работал. До автомеханического института отцу помогал. Он в морге электриком работал. Я там всякого насмотрелся. Психолог говорит, что это по молодости негативом отложилось. — Прохор ненадолго замолк и принялся рассматривать дом, особенно второй этаж. Там по крыше по-прежнему лупил дождь, и от этой постоянной долбёжки хотелось выпить. Он и впрямь налил себе водки, но пить не стал, даже отодвинул стакан в сторону.

— Мой отец знал родителей Аксёны Олеговны, — продолжил Прохор. — Звали их Ирина и Олег, по отчеству не помню. Это они дом построили. Однажды, когда они решили поехать сюда, взяли и моего отца. Мой батя с отцом Аксёны Олеговны дружил. Он хотел посмотреть здесь участок у реки, решил купить. А дальше случилась беда: по дороге они остановили машину на одном пяточке, и вдруг большой джип на громадной скорости наехал на них на повороте, и всех, кроме моего отца, расплющило насмерть. Отец был худым, его зажало в машине сзади, но ничего, жив остался. А человек, который их сбил, исчез. Сколько милиция и мы с отцом его ни искали, так найти и не смогли. Место это, хоть и треклятое, почему-то забыть не могли. Отец так здесь ничего и не купил. Он долго болел. В 1993 году его около Белого дома ранило, в точь, как Ленина, в сонную артерию. Пулю извлечь боялись, да он и не хотел, что-

бы её трогали. Говорил, это память о том, как Родину защищал.

После смерти отца я часто навещал Аксёну Олеговну и Лизу. Видел, какой хорошенькой становится эта девочка. Прозвал её дюймовочкой и даже решил: когда вырастет — женюсь. Выросла, на фронте переписывался с ней, а когда она приехала ко мне, смотрю, ничего у меня с ней не получается. Решил, что не судьба. — Он тихо засмеялся, словно что-то вспоминая, и нехотя продолжил: — Зато на шлюхе разошёлся. Словно рекордсменом хотел стать. — Он помолчал и с уверенностью заключил: — По всему, Аксёна Олеговна у Нины-химика телефон Серафимы узнала, теперь, вероятно, сюда нагрянут. — Он сильно, до хруста сжал пальцы и сказал: — Надо, Серёга, завязывать, если не женился, то хотя бы не стыдно будет, если дом поправлю. Отец мечтал здесь старость встретить, а у меня другого выхода нет, жить буду здесь.

— А как же ты в морг попал, ты же на инженера-механика учился?

— Подрабатывал у отца. В морге платили хорошо. Оба мечтали дачей обзавестись. Квартиру сестре решили оставить, а сами сюда полагали перебраться. Но тут СВО началась, трупов в морг, как на конвейере, стало поступать. Горько было, всё больше молодые, разбирали их по краям и весям, а меня так заштормило, что решил на фронт податься. Думаю, я им покажу... этой айдаровской, азовской и бандеровской гопоте... у кого голова в кустах. Когда внезапно умер отец, а у сестры дружок появился, я решил окончательно смотать на СВО. Один приятель по институту устроил меня работать на стройку в Донецк. В Донецке пробыл месяц и попросился в ремонтную бригаду на фронт. Ремонтировали танки. Танков битых полно, работы невпроворот. Однажды послали вернуть наш танк «Т-80» из «серой зоны». Танк застрял в мякине, горючее кончилось, мотор заглох, вот мы вчетвером и пошли ночью. Когда в бак залили керосин, мотор я завёл. Оказалось, что был засорен поплавковый клапан системы питания топливом. Танк из мяки-

ны выволокли, а тут — хохлы. Ну и началось: трое танкистов — в кабину, а я единственный отстреливаться стал. Вот руку и зацепило. Кое-как вырвались на просёлочную дорогу. Я впереди танка бегу, кровь по автомату разливается, а боли нет, только бегу быстрее. Вдруг впереди снаряд грохнул, меня такой волной накрыло, что я оглох. Бегу, а за мной «эхо» несётся, и земля горит. Но всё-таки успели до своих добраться. Танк спасли! В госпитале узнал, что ордена удостоился. А рука словно застряла, не гнётся, будто неживая, и эхо в голове, как колокольный звон. Пожаловался священнику, протоиерею из храма святой Магдалины, раненному при восстановлении монастыря. Спрашиваю, когда колокольный звон прекратится? Не скоро, говорит, долго так будет, но я молодой — доживу с молитвой Пресвятой Троице. Спрашиваю, а когда эта война кончится, отец? Ответил он мудрёно, только сейчас доходит...

— И как он ответил? — загорелся Сергей и затаил, глядя на Прохора.

— Когда, говорит, возникает сильнейший гнев и ожесточается сердце, надо думать не о том, насколько виноват другой, а о том, насколько виноват ты сам. А когда народы конфликтуют, о каком согласии может быть речь? Война — это борьба добра со злом. Когда нет сил сохранять царящие несправедливости, люди ищут выход накопленной в душах злобы. Главное, страдают не только люди, но и земля, которая плачет кровавыми слезами. Эхо её плача разлетается по всему миру и творит чудеса конечной победы добра. Звали протоиерея Дмитрий. Он вскоре умер, тяжёлое ранение было, но слова его до сих пор помню. А я пошёл на поправку.

Постепенно руку отпустило, стал всякие упражнения делать, но на комиссии ВВК списали по категории «Д». Езжай, говорят, домой, тебе лечить руку на стационаре надо. Всё вроде обошлось, а вот эхо проклятое меня до сих пор преследует. Проснусь — и вдруг такой звук, словно крик новорожденной Вселенной.

Приехал в Москву, встретился с сестрой, там у неё уже двойня, места для меня нет, тогда я к Аксёне Олеговне подался. Разговорились, и вдруг она мне дом уступила, видать, Лиза её уговорила. А я, засранец, дом купил и исчез. Видать, Аксёна Олеговна твою бабку сюда на инспекцию прислала, теперь придётся отвечать «за всё, в чём был и не был виноват».

Стало заметно, что, выговорившись, Прохор почувствовал облегчение, глаза его ожили, он потянулся, расправил плечи и опять чему-то улыбнулся. Серёга, внимательно наблюдавший за другом, решил, что внезапное появление разгневанной бабки пошло Прохору на пользу.

К этому времени дождь за окнами прекратился, выглянуло из-за блеклых облаков солнышко, и оба друга повеселели.

— Слушай, Серёга, пойдём на реку, искупаемся, — предложил Прохор. — Купаться после дождя — самое милое дело. Батя мой, Иван Александрович, как-то говорил: «Лучшее похмелье — это холодная река».

До реки было метров триста, но покатали на мотоцикле. Первым прыгнул в реку Серёга и размашисто поплыл к другому берегу, в сторону верёвки, висевшей над водой на длинном суку. Неожиданно Сергей, сильно взмахнув руками, стал захлёбываться и несвязно что-то кричать. Прохор, ничего не понимая, ринулся в воду, почувствовал, как его обдало холодом, но лишь быстрее грёб к другому берегу. Река Беспута брала своё начало от города Ясногорска, питалась преимущественно снегами, всегда была быстрой и очень холодной. Но Прохор этого не почувствовал. Промахав метров пятнадцать, он успел подхватить захлебнувшегося Сергея и зацепиться с ним за верёвку-тарзанку, привязанную к дереву ребятишками из Григорьевского. С этого места до другого берега было метров пять, не больше. Схватив Серёгу под мышками раненой рукой, он с криком «держись!» стал изо всех сил грести здоровой рукой к берегу. Берег на этой стороне был крутым, надо было ползти вверх с по-

терявшим сознание Сергеем. Пришлось хвататься свободной рукой за оголённые корни, цепляться босыми ногами за сучья и тащить здорового мужика на густую, колючую, прибрежную зелень. Вытащив друга на берег, Прохор перевернул его на живот, встряхнул тело, и у Серёги изо рта большой «бульбой» вырвалась вода с запахом спиртного. Повернув его обратно на спину и сделав руками несколько толчков в грудь, Прохор увидел, что Серёга открыл глаза и глядит на него вялым бессмысленным взглядом.

— Ты что это творишь, мужик? — закричал Прохор, не то ругая Сергея, не то сокрушаясь. — Что за номера? Что нам с тобой теперь делать?

Он осторожно приподнял голову Сергея, подтянув под неё валяющуюся рядом толстую усохшую корягу, а свободной рукой стал рвать траву, складывая каждую охапку под голову друга. С этой стороны реки, рядом с берегом шла в сторону Тульской области дорога из больших бетонных панелей. Вдруг вдалеке он услышал стук колёс, примеривающих каждую панель монотонным постукиванием.

— Жди! — крикнул Прохор и бросился к дороге.

Он успел остановить машину в двух метрах от себя. Отчаянно жестикулируя, ринулся к водителю. В машине оказались молодая женщина с девочкой лет пяти, сидевшей на заднем сиденье.

— Помогите! — закричал он испуганным голосом так, что ребёнок начал всхлипывать.

— Что случилось? — приоткрыв водительскую дверь, спросила женщина, внимательно глядя на Прохора.

— Товарищу стало плохо в воде, с трудом его вытащил. Теперь надо его перевезти на другой берег...

— Он жив? — спросила женщина и, заглушив мотор, стала вылезать из машины. Она строго приказала девочке успокоиться и ждать их возвращения.

— Да жив, жив! Наглотался воды, но пришёл в себя, — отбарабанил Прохор.

Открыв крышку багажника, женщина быстро взяла аптечную сумку, повернулась к Прохору и строго спросила:

— Где пострадавший?

— Там, у берега.

Через минуту они уже были рядом с Сергеем. Осмотрев его, женщина молча открыла свою аптечку, достала какие-то ампулы и, выбрав две, ловко ввела содержимое в шприц, быстро нашла вену и сделала укол в левую руку.

Прохор, стоя за спиной женщины, напряжённо следил за всеми манипуляциями незнакомки с одним вопросом: всё ли правильно делается этой бог весть по какой воле появившейся спасительницей? Правда, неожиданно он поймал себя на мысли, что женщина вызывает у него не только благодарные, но и совершенно другие впечатления. Он разглядел её густые, крепко стянутые на затылке волосы, длинную шею и вздёрнутые ресницы, окаймлявшие круглые зеленоватые глаза.

— Не беспокойтесь, мужчина будет жить, — спокойным деловым голосом сообщила женщина. — Я врач. Я ему вколола анальгин. Сейчас препарат расширит ему сосуды, и мы его отвезём куда надо.

Чуть повременив, они подхватили Сергея с двух сторон и понесли к тропинке, ведущей к дороге. Весь путь был забит кустистыми зарослями борщевика. Видя, что зонтики белых цветов так и норовят прикоснуться к голым телам Прохора и Сергея, женщина, сменив положение, боком пошла вперёд, стараясь спиной проложить дорогу через заросли смертельно опасного растения.

— У вас тут самый вредный и ядовитый представитель борщевика, — с тревогой сообщила женщина. — Идите за мной.

— А что может случиться?

— Очень противный сок, — сказала она, тяжело дыша и перехватывая Сергея под мышки. — Сок повреждает клетки кожи, могут появиться волдыри, температура и головная боль. — Прохор хотел ещё что-то спросить, но она его перебила: — Идите за мной, не за-

давайте лишних вопросов и не прикасайтесь к цветкам.

Наконец они вынесли Сергея на дорогу, усадили его на переднее сиденье машины и поехали через мост на другую сторону реки.

В доме они устроили Сергея на тахту, подложили под голову подушку и укутали одеялом. Минут через десять женщина, удостоверившись, что он окончательно пришёл в себя, начала прощаться. Однако Прохор никак не хотел её отпускать, пока не записал номер телефона и адрес.

Спасительницу звали Марина Львовна. Оказалось, что она из группы ступинских врачей, арендовавших по соседству, неподалеку от моста, большой участок земли для посадки малины. Оставляя свой номер телефона, Марина Львовна неожиданно попросила помочь ей в хозяйстве:

— Раз уж я выручила вашего приятеля, то и вы помогите мне.

Прохор с большой радостью согласился на любую помощь. Оказывается, на днях женщина ждала подвоза сорока кустов малины и призналась, что ей одной всё посадить будет трудно. Прохор заявил, что для них это пустяки, и пообещал непременно помочь, решив по ходу, что симпатичная Марина Львовна, по-видимому, мать-одиночка.

— Марина Львовна, — уверенным голосом тархтел неожиданно разговорившийся Прохор, — прежде всего не сомневайтесь в нас. Мы ребята благодарные. Всё посадим и во всём поможем, тем более мы с вами соседи. А за помощь и спасение моего друга Сергея огромное вам спасибо, — раскланиваясь перед женщиной, продолжал говорить Прохор, до сих пор не успевший переодеться, а потому в плавках. Заметив, что Сергей пошевелился, Прохор подключил и его.

— Вот, вижу, мой друг пришёл в себя и тоже благодарит вас. Да ведь, Серёжа?

Действительно, Сергей закивал головой, пытаясь изо всех сил улыбнуться и выглядеть повеселее.

— А ещё вы говорили о дурном влиянии борщевика! Так вот, если что-то у нас нач-

нётся, чем лечиться? Я чувствую, как меня уже начинает пощипывать и почёсывать.

Прохор и вправду начал почёсываться и изображать из себя пострадавшего.

— Вам надо для начала что-нибудь накинуть на себя, мы ведь не на пляже, — с усмешкой заметила она.

Прохор сиганул в сторону и мгновенно, словно по команде, надел рубашку и брюки. Сделав это «упражнение», он вытянулся перед гостьей и расплылся в чарующей улыбке. Она засмеялась и, подозревая появившуюся в дверях дочку, обняла её.

— Вам обоим следует протереть тело, чтобы яд от растения не попал в кровь и не травмировал кожу.

— А чем протирать прикажете? Водой? — не отставал Прохор.

— Можно и водой, но лучше спиртным. Вон, я вижу, у вас пол-ящика водки, так вы используйте её не только внутрь, но и на поверхность кожи. Сразу перестанете чесаться. Кстати, мой совет — «закройте кран» вашему другу. Пить ему противопоказано. По всей видимости, у него что-то с сердцем, надо проверить.

— Это мы запросто, сделаем электрокардиограмму и сообщим вам её результаты.

— Одной ЭКГ вы не обойдётесь. Сердце надо проверить под нагрузкой. Нет ли у него ишемии?..

— Проверим и ишемию. Поверьте, все ваши советы будут исполнены.

Прохор с удовольствием ещё бы продолжил выяснять характер лечения, если бы не капризное выражение лица дочки Марины Львовны. Её гримасы и подталкивание матери убедили разошедшегося Прохора отпустить Марину Львовну. Он проводил спасительницу до машины и попросил разрешения позвонить ей, если Сергею станет хуже.

В тот момент, когда женщина садилась в машину, на дороге появились трое местных мальчишек, которые толкали мотоцикл с закреплённым на багажнике свернутым узлом одежды Прохора и Сергея. Увидев такую бригаду толкачей, Марина Львовна подо-

ждала, когда ребята приблизятся и освободят дорогу. Передавая мотоцикл Прохору, самый большой пацан с гордостью заявил мальчишке поменьше:

— Ну что, Васька, ты проиграл! С тебя два пломбира. Я же говорил, что солдаты не тонут.

Услышав тираду, Марина Львовна засмеялась и, махнув Прохору рукой, выехала на узкую, раскисшую после дождей дорогу, просигналив на прощание резким жигулёвским клаксоном.

К вечеру Сергею стало легче, и Прохор решил отвезти его домой. На мотоцикле ехать было неудобно, Сергей ещё был не в себе, появились красные пятна на плечах и спине, а кожа в нескольких местах стала подозрительно пузыриться. Тогда он позвонил соседке Нине-химику и попросил её подвезти Серёгу домой.

— Перебрал, что ли? — смеясь, спросила Нина.

— Пошли купаться, ну и нарвались у реки на колючий борщак, — сочинил для убедительности Прохор. — Тело у него теперь горит, боюсь на мотоцикле везти, вдруг свалится...

Прохор не стал говорить подробнее, хотя знал, что Нина не трепачка.

— Прохор, я отвезти Сергея не могу: варю варенье. Ты вот что сделай: возьми мою машину и сам отвези. У тебя права есть?

— Конечно, даже на грузовой транспорт.

— Ну вот, отвези его, здесь ведь рядом.

— Хорошо, я мигом.

Прохор сбегал к соседке, взял ключи от машины, стоящей перед домом, и отвёз Сергея домой. Передав дружка на руки подвыпившей матери, он попутно заглянул к Виктору Георгиевичу с оповещением, что утром берётся за капитальный ремонт дома.

* * *

Действительно, на следующий день рано утром Прохор прикатил на мотоцикле к Виктору и сагитировал его одолжить на время два станка: строгально-рейсмусовый и распи-

лочный, чтобы не тормозить соседа лишними приездами. Прохор так расписывал свой план ремонта дома, что уговорил Виктора съездить с ним в ближайший магазин стройматериалов, чтобы купить досок, гвоздей и саморезов.

Отправились на машине Виктора, отобрали нужные доски, забили ими багажник и крышу, заказали эвакуатор с краном-манипулятором, чтобы перевезти станки.

На участке Прохора стоял недостроенный сарай. Виктор Георгиевич помог залатать крышу, а бывший солдат, несмотря на корявую руку, сумел забраться на столб и подвести электричество трёхфазной сети. Виктор Георгиевич — опытный строитель, знающий местные правила, сразу предупредил, что нужно купить трёхфазный счётчик. А то кто-нибудь из соседей заметит, что провода тянутся со столба, могут донести — и тогда без штрафа не обойдёшься.

— А кто заметит? — удивился Прохор. — Нинка-химик, так она свой человек, не исключено, что, когда строила свои хоромы, тоже тибрила электричество.

— Моя забота — тебе сказать, выводы делай сам, — твёрдо заявил Виктор Георгиевич, — а трёхфазный счётчик я тебе дам, у меня в гараже старый валяется.

На том и договорились. Вскоре на заказанном эвакуаторе перевезли в отремонтированный сарай станки, подключили их к проводке, и Прохор приступил к восстановлению дома.

Дело шло споро, а когда перебирали крышу дома, то помогли и Сергей, и Виктор Георгиевич. Вскоре дом начал оживать, на втором этаже перестал гулять сквозняк. Вечерами обласканное жилище стало отдавать своё тепло, его больше не продувало, и оно, как живой человек, с благодарностью делилось своим участием.

Прохор долго откладывал установку забора и новых ворот. Решил поставить, как у соседки Нины, откатные раздвижные ворота и забор из горизонтального евроштaketника.

Бесплатно вызвал замерщика. При договоре в сто сорок тысяч рублей и гарантии пять лет это было возможно. Так что уже через два дня ждал приезда работников фирмы, но неожиданно случилась беда.

В этот день с утра Прохор поехал в город Каширу договариваться об установке ворот и заодно о покупке на зиму дровяной печи. По возвращении он обнаружил во дворе следы чьей-то машины. Сразу обожгла мысль: «Следы чужие и явно бесцеремонные: машина разворотила колесами недавно ссыпанные для крепежа фундамента песок и щебень». По размеру колес стало понятно, что это была тяжёлая грузовая машина. Следы шин вели к сараю, где находились строительные материалы.

С мгновенно загудевшими нервами Прохор соскочил с мотоцикла, бросил его прямо посреди двора и, как гончая собака, ринулся к сараю. Чуть приостановившись у входа, чтобы не наследить, он открыл дверь со срезанным замком и увидел: то, что было ценное из стройматериалов, а главное — чужие станки, исчезло. Воры забрали всё подчистую, пропали даже запасы гвоздей вместе с недавно купленными удочками.

В первый момент он так растерялся, что готов был зареветь от обиды. Но весь рёв вылился в оглушительный мат, которым обычно он особенно не отличался. Мгновенно в голове дали знать о себе фронтальные травмы, и пронзительное, со свистом эхо загудело в ушах. Пробуравив носом все следы, даже понюхав остатки масла, оставленные машиной, он вернулся к своему мотоциклу и помчался к дому соседки Нины.

Её на месте не оказалось, тогда он развернулся и поехал к центру деревни. Как назло, никого на дороге не было. Правда, около одного дома играли четверо ребятшек разного возраста. Девочку постарше звали Альбиной, трое других — Лёва, Ульяна и Виктория — по виду в возрасте между тремя и пятью годами. Прохор обратился к старшей: не видела ли она проезжающую машину с краном? Он был уверен, что машина должна

быть обязательно с краном, иначе станки невозможно было увезти.

Альбина, пожав плечами, сделала многообещающую задумчивую гримасу и со знанием дела ответила, что ничего не видела. Две другие девочки ответили то же самое. Прохор решил уже двинуться дальше в надежде, что кто-нибудь в начале деревни видел машину, как вдруг пятилетний Лёва твёрдо сказал:

— Была машина, горбатая, с крюком.

— Кто на ней ехал? — быстро спросил Прохор.

— Дяди! — ответил мальчик.

— Сколько их было?

Лёва показал три пальца и добавил одно слово:

— Чужие!

— А машина как выглядела? — почему-то обрадовался Прохор.

— Машина большая, с длинной тряпкой наверху.

— Ты хочешь сказать, что сверху был брезент? — с надеждой спросил Прохор.

— Да, сверху была не крыша, а вот это... брезент.

На душе Прохора потеплело, теперь было ясно, что искать. Он завёл мотоцикл и покатил вниз к центральной дороге. Следов здесь никаких, конечно, не было. Дорога пересекала длинное поле, на котором когда-то совхоз-миллионер сажал зерновые. Первоклассная дорога в прошлом, построенная рачительным директором совхоза, теперь была разбита и зияла ямами, заштопанными крупным щебнем, разлетевшимся по всему пути. Мотоцикл прыгал, выплёвывая щебень, но Прохор не сбавлял скорость.

За полем начинались старые заброшенные фермы, где приютились чабаны-дагестанцы, державшие там овец. В это время не старый чабан, заросший седыми прядями на голове и лице, покрикивая по-дагестански «гья ниж наха!», заводил большое стадо в помещение, подгоняя животных длинной палкой.

Резко свернув с дороги, Прохор поехал к ферме, громко окликавая чабана. Тот приоста-

новился у разбитого окна фермы, бросил в помещение что-то похожее издалека на удочку и стал поджидать подъезжающего к нему Прохора.

— Привет труженикам! Как успехи? — прокричал Прохор, перекрывая шум трещащего мотоцикла.

— Хоросё, а чё вам? — настороженно спросил чабан.

— Да хотел узнать, не видели здесь по дороге машину с краном? — Прохор для убедительности нарисовал верх машины, изобразив руками крюк.

— Не было! Не было, ничё не было, — быстро заговорил чабан, делавший вид, что кое-как владеет русским языком.

Та поспешность, с какой дагестанец начал отнекиваться, показалась Прохору подозрительной. Он подъехал ближе, осмотрелся по сторонам и ненароком заглянул в разбитое окно. Удочка, слишком быстро закинутая чабаном внутрь, лежала на рассыпанном по всему помещению помёте.

«Кажется, удочка моя!» — промелькнула мысль. Он не подал виду, а только тупо улынулся и стал разворачивать мотоцикл. Решил, что лучше не приставать с вопросами, чтобы не выдать себя и, главное, не спугнуть человека.

Дагестанец снова начал громко кричать на овец «гья ниж наха!», размахивая своей палкой и словно забыв о присутствии Прохора.

«Кажется, есть концы», — подумал Прохор и, повозившись с заглохшим мотоциклом, стал присматриваться к дороге. Сбоку к ферме тянулась старая, заросшая травой грунтовая дорога, на которой отчётливо были видны свежие следы тяжёлой машины.

«Да, они сюда заезжали, — решил он, — но зачем? И почему здесь оказалась моя удочка? А если это не моя удочка, а кого-то другого? — спросил он себя. — Тогда почему он, увидев меня, быстро её спрятал?»

Все эти мысли в считанные секунды промелькнули у Прохора в голове, пока он делал вид, что возится с мотоциклом. Наконец «Ява» заревела, он прогазовал её и, дружески

помахав дагестанцу, поехал назад. Надо было о пропаже станков доложить Виктору Георгиевичу, чтобы решить, что теперь делать.

Отъехав метров триста от фермы, он остановился и позвонил. В голове выстроился план: надо обо всём доложить на месте преступления.

— Виктор Георгиевич, у меня большие неприятности, мог бы ты приехать ко мне, чтобы посоветоваться? — начал Прохор издалека.

— А что случилось?

— Виктор Георгиевич, по телефону не скажешь. Надо видеть. Это касается нас двоих.

— Хорошо, минут через пятнадцать я к тебе приеду.

Действительно, через пятнадцать минут Виктор Георгиевич был у Прохора. Когда он увидел срезанный замок и пустые следы от когда-то стоявших на этом месте станков, желваки Виктора Георгиевича задергались, заиграли гневом. После хлёсткого мата он стал прикидывать, кто это мог сделать.

Вот тут Прохор стал рассказывать о встрече с детьми, о машине с брезентом и, главное, свои подозрения, что ко всему причастен дагестанец-чабан, у которого Прохор заметил свою пропавшую удочку.

— Уверен, что этот дагестанец знает похитителей, — закончил Прохор.

— Почему ты так думаешь?

— Понимаешь, вёл он себя подозрительно: говорил нехотя, глаза бегали. А увидев меня, быстро сцапал удочку и швырнул в окно.

Выслушав Прохора, Виктор Георгиевич неожиданно выдвинул своё предположение.

— Думаю, что сам дагестанец здесь ни при чём. Скорее всего, к нему захали за ягнёнком, а удочку подбросили вроде как из благодарности.

— Тогда кто мог так нагло действовать? — с яростью сказал Прохор. — Ведь эти суки всё провернули днём, в считанные минуты! К тому же они наверняка знали, что у меня есть станки, на которых можно заработать.

— Не кипятись! Ещё не всё потеряно! Бизнесом по собиранию лома у нас занимают-

ся азербайджанцы. Но с девяностых они не опускались до подобных взломов. В конце девяностых — другое дело, несколько дач в Кремнёвке были ограблены. Ты спроси соседку свою Нинку-химика, её тогда круто обворовали.

— Спросить-то я спрошу, да что толку? Как я тебе эти станки верну? Кстати, сколько они стоят? Я бы хоть деньгами за них вернул. Пятьдесят тысяч хватит?

Виктор Георгиевич присвистнул и, ухмыляясь, назвал цену:

— Один двусторонний комбинированный рейсмусовый станок стоил мне около ста тысяч, а фрезерный TFS и того больше, новый сейчас около 190 тысяч. Да где их теперь за ту цену купишь? Тогда ООД «Сухой корм» в деньгах нуждалось, мне станки по блату продали. Проблема в том, что мне ещё фундамент надо закрывать доской, так что хлопот ты мне доставил кучу.

— Виктор Георгиевич, если я станки не найду, то верну деньгами. Купим новые, мне ведь дом ремонтировать тоже надо.

— Станки ты не найдёшь! Если это азербайджанцы, то искать бесполезно. Да и опасно. У них тут по Подмоскovie своя вотчина, лучше не связываться.

— А я не боюсь! — с вызовом воскликнул Прохор.

— Ты, конечно, фронтовик, но здесь другой фронт, тихий, исподтишка, так что лучше тебе не связываться. Все думают, суцая мелочёвка, что они контролируют только овощные рынки. Нет, они не только огурцами и помидорами торгуют. У них и нефтяные заводы. Они на ломе тысячи зарабатывают. Мой тебе совет: оставь чабана в покое. Сообщи на всякий случай о случившемся в каширскую полицию и жди результатов. Станки мне раньше двух недель не понадобятся, так что давай подождём. Ну а там придётся тебе, фронтовик, выложиться. Дай бог, у кого-то старые найти, но всё равно это денег стоит.

На следующий день Прохор вызвал из Каширы полицейских, которые всё зафиксировали, описали и уехали с постным выражени-

ем лиц. Прошло ещё несколько дней. Видя, что ответа из Каширы нет, Прохор позвонил своему товарищу Кириллу Игнатьеву, коммисованному из-за потери ступней во время взрыва на спрятанной мине. Кирилл со своим отрядом наступал вдоль дороги. До этого наши танки прошли эту «серую зону», давя «лепестки» гусеницами. Под танками взрывы напоминали безобидные петарды, а пехтура, проходя эти места, неожиданно натолкнулась на остатки «лепестков». Кто-то проскочил мимо, а Кирилл наступил.

Познакомились они в госпитале в Богучаре, а списали их в одно время. Позже изредка созванивались после того, как разъехались по своим местам. Кирилл где-то в Воронеже на военном заводе устроился охранником. Жил с матерью, на жизнь не жаловался, да и характером был крепок. После фронта его друзей по всей России разбросало, но он никого не терял из вида: писал, созванивался.

Когда Прохор подробно рассказал о том, что случилось, Кирилл, всегда отличавшийся здравым смыслом, сразу предложил план:

— Значит так, Прохор, — уверенным голосом подытожил сержант, — нечего тебе бояться этой мафии. Я подключу моих «мушкетёров», по такому случаю попросим у начальства отпуск, подвалим незаметно к тебе и дадим решительный бой этим подонкам. Кого грабить отважились, нас?! Да мы сами — та ещё мафия, кровью и войной спаянная. Так что жди в гости, Прохор! Мы им, как говорил мой дед, такую жизнь устроим, что и сердцу будет больно, и горю нет конца. Скинь адрес для навигатора, на той неделе будем.

* * *

Ожидая приезда «мушкетёров», Прохор решил соорудить дровяник. Надо было думать о зиме и запастись топливом. Дровяник получился довольно вместительным. Прохор сразу перетащил под навес остатки от пиленых досок и срубленный кустарник, проросший по краям участка.

Неожиданно позвонила Марина Львовна. Оказывается, ей привезли сорок кустов малины, и она попросила помочь их посадить. Прохор обрадовался, тотчас перезвонил Сергею, и они, захватив для «позитивного настроения» бутылку водки, помчались на мотоцикле, куда объяснила Марина, — «на другую сторону Беспуты, по правую сторону, сразу за мостом».

Она ждала их прямо у дороги. На удивление, Марина им показалась ещё красивее, чем при первой встрече. На ней были тёплая розовая кофточка, цветные облегающие брючки, и выглядела она совсем девчонкой. На вопрос, где дочка, Марина ответила, что оставила девочку с мамой, чтобы не мешала работе.

Когда Марина показала мужчинам участок, Сергей даже присвистнул.

— Это что, всё ваше? — спросил он.

— Да, это наше. С той стороны до моего участка нашим коллективом уже посажено шесть тысяч кустов малины.

— И что же это за коллектив? — поинтересовался Прохор.

— Сплочённая группа из двенадцати человек, но вообще нас больше семидесяти. Люди разных профессий, знаний и положения. Это товарищество «Заря». А вот тут, совсем рядом, участок, за который отвечаю я. — Они свернули с дороги и прошли в сторону какого-то деревянного строения.

— Вот это мой участок, — с гордостью сообщила Марина Львовна. — Он последний, рядом с «казармочкой». — Она указала на странное строение, заросшее высокой травой. В действительности это был одноэтажный дощатый домик с вкраплениями из полиэтилена — с небольшими окнами, похожими на бойницы.

— Кто это чудо вам построил? — еле сдерживая смех, спросил Прохор.

— Строили не мы, а китайцы. Это был их участок, но в 2021 году они отсюда из-за ковида уехали. Видите, сколько ими сделанных теплиц разбросано по всему участку. Мы — их наследники. Посадили чеснок, разные овощи: капусту, перчик, конечно, помидоры

и огурцы. Мы — участники движения «Деурбанизация», начатого в 2000 году.

— Деурбанизация, — с трудом повторил Сергей, — и с чем это закусывают?

— Очень просто! Раньше все устремлялись в город, на подъём индустриализации, а мы предлагаем вернуться в деревню на подъём сельского хозяйства.

Сергей, не поверив в такую перспективу, прошёл вперёд, ближе к кустам малины, и, вернувшись, хмыкнул и, поджав губы, усмехнулся.

— Да, чудное дело! Что-то ваша «дезурбанизация» вся заросла бурьяном! Малина любит полив, простор и солнце, а у вас — царство сорняка, — с беспощадной прямоотой сельчанина подытожил Сергей. — Кстати, корни малины залегают неглубоко, поэтому ей не нужны конкуренты в борьбе за влагу. Пырей капитально забирает у малины влагу, так что надо полоть, рыхлить землю и поливать, а то зарастёте и никакой «дезурбанизации» у вас не получится.

Сергей так компетентно выложил свою критику, что Прохор и Марина переглянулись и с удивлением уставились на него.

— Ты что, диссертацию по малине на Каширской станции защищал? — вступился Прохор.

— Нет, но до армии я в Богословске учился. Два курса окончил в сельскохозяйственном техникуме. Хотел быть агрономом, но призвали в армию. А дальше получился трындец, — он шлёпнул себя по голове и рассмеялся, — не хочу вспоминать.

Возникла смущённая пауза, пока не заговорила Марина Львовна:

— Мы не пропололи малину, так как не было возможности её поливать, а на мульчирование под картон людей не было — поэтому решили оставить её (только на это лето) под бурьяном, чтобы не посохла. Ей для урожая ещё рановато, можно годик порости. То же самое про чеснок — первый год он урожая не даёт и лучше растёт в бурьяне (если без полива), а потом необходимо закрывать плёнкой или мульчировать.

— Вам бы надо протянуть от реки шланг с насосом, — заметил Сергей, — но я вижу, у вас и электричества нет.

— Почему? В доме есть бензиновый генератор «Электролит С1000», не очень мощный, но в потёмках не ходим. Одна лампочка даже на входе светит.

— Хорошо, всё это поправимо, — вмешался Прохор, — и шланг с моторчиком добудем, и незаметно со столба провод временно протянем, давайте малиной займёмся. У вас есть подходящий инструмент?

— Конечно, есть, — тотчас отозвалась Марина и повела их в дом.

Вскоре мужчины принялись копать лунки, аккуратно отмеряя расстояние, и через два часа вся малина была посажена.

— Эх, надо бы полить, — с горечью заметил Сергей, — но ничего, завтра я напрямую свою братию — мы найдём и шланг, и небольшой насос. Тут до реки тридцать метров, думаю, что малина до завтра потерпит.

— Так меня завтра здесь не будет, — со вздохом сообщила Марина Львовна.

— Не страшно, я после работы приду или вот с Прохором приедем и всё сделаем. Не волнуйтесь, Марина Львовна.

Сергей с таким энтузиазмом стал рисовать картину полива, что Прохор сразу понял, что их спасительница и по другой части его другу приглянулась. Какое-то ревнивое чувство промелькнуло в его сознании, но он тотчас отогнал его.

Марина Львовна предложила перекусить, и они прошли в дом. Это была двадцатиметровая комната со столом и скамейками, со странной металлической печкой под грозным названием «Везувий», с торчащими из неё в разные стороны трубками и длинным металлическим дымоходом, выходящим в боковое, ставшее чёрным от копоти окно.

Оказывается, у дома был погреб, из которого Марина Львовна достала белорусские говяжьи консервы, банку маринованных огурцов, а в хозяйственной сумке оказались помидоры, грузинский сыр и даже кофе. Прохор предложил выпить водки. Под строгим

взглядом хозяйки Сергей от водки отказался и наел на мясные консервы. Марина Львовна только пригубила, а Прохор выпил, закусил соленьями и белым кавказским сыром. Постепенно все разговорились. Особенно отличился Сергей. Он не умолкал, рассказывал разные истории, случавшиеся на работе, сыпал анекдотами и в конце концов заставил Марину Львовну смеяться до упаду. Прохор впервые отметил: его дружок, этот закоренелый пьянчуга Серёга, если «по трезвочку» да рядом с бабой, которая нравится, вполне подходящий жених. Ему даже стало обидно, что эта ступинская красавица явно предпочла не его, а Сергея.

Застолье было приятным, но недолгим. Марина Львовна торопилась в Ступино к дочери. Когда прощались, она попросила Сергея записать ей номер телефона и охотно дала свой, сообщив, что позвонит на следующий день вечером, чтобы узнать, как Сергей держит слово, и вообще, что получилось с поливкой малины. Прощались сердечно, видно было, что подружились.

Марина Львовна укатила на своем «жигулёнке». Мужчины возвращались молча, каждый по-своему оценивая произошедшее.

* * *

Через два дня глубокой ночью Прохору неожиданно позвонили. Оказывается, что Кирилл с «мушкетёрами» выехали раньше и по показателям навигатора до Кремнёвки у них оставалось километров тридцать. Прохор мгновенно проснулся, бросился к холодильнику, чтобы приготовить что-нибудь поесть, но, кроме картошки и краковской колбасы, там ничего не оказалось. Вдруг он вспомнил, что неделю назад в морозильник забросил пельмени. Вырвав из заснеженной тверди коробку пельменей, он с трудом ножом разрезал их на неровные дольки, бросил в кастрюлю с водой и поставил варить на газовую плиту. Вскоре подобие ночного ужина было готово.

Захватив фонарь, он вышел на дорогу и, проверив сигнализацию, стал ждать. Через

некоторое время раздался звонок Кирилла и из-за поворота блеснули фары машины. Это была совсем новенькая «Lada Vesta» белого цвета с надписью «для инвалидов». С переднего сиденья со смехом, похожим на гоготанье, с трудом вылез Кирилл и радостно схватил Прохора в объятия.

Они не виделись больше полугода, и Кирилл за это время сильно изменился. Во-первых, он заметно поправился, обзавёлся длинной шевелюрой, бородой и стал осанкой и голосом походить на дьякона из какой-нибудь провинциальной церкви. Почти нараспев, громкогласо и церемонно он стал представлять своих друзей:

— Вот, Прохор, это мои «мушкетёры». Семёна Кудрина ты должен помнить, седьмая палата госпиталя.

— Как же, помню, лучший разведчик в двадцать первой бригаде, — обрадовался встрече Прохор.

— Так точно, товарищ младший лейтенант, — подхватил Кирилл, — ты ведь не забыл, Семён попал под ракетный удар, взрывной волной ударило так, что получил снарядный шок. Из-за контузии демобилизован по МКБ-11. Сейчас тихий и смиренный человек, но глаз — ватерпас и стреляет до сих пор как бог.

С другой стороны из машины вышел седой большеглазый мужчина среднего роста, с кротким выражением лица и смущённой улыбкой. Однако пожатие его руки оказалось цепким и сильным. Заговорил он негромко, но оживленно:

— Хорошие у вас места, товарищ младший лейтенант, и воздух какой-то особый, праздничный. Рад, что Кирюха нас вытащил из Воронежа.

— А это Тимур по кличке Молибог! — продолжил представление Кирилл. — Гремучая смесь армянина и украинца.

— А кличка с чего бы? — спросил Прохор.

— Кто-то из умников дал ему, вот и пристало.

Из кабины с гитарой и двумя сумками, заброшенными на плечи, вылез круглолицый,

симпатичный мужчина с чёрными вздёрнутыми бровями, с пухлым разбитым носом, который странно свистел при вдохе. Он ухватисто и изучающе посмотрел на Прохора и, как показалось, обрадовался встрече.

— Тимур — демобилизованный военный повар и наш главный кулинар, — представил Кирилл. — Помнишь, какие котлеты ты ел в госпитале? Это его работа. Когда у него закончился договор, он позвонил мне в Воронеж, я его устроил в наш ресторан «Гармошка». В ресторане иногда поёт, особенно Высоцкого. Его не хотели к тебе отпускать, взял отпуск без содержания.

Кирилл открыл багажник, достал два вещмешка, под которыми Прохор заметил малогабаритный автомат «АМБ-17». «Они не на шутку воевать приехали», — мелькнуло у него в голове, когда он пригласил их в дом.

Всё, что было заготовлено Прохором на столе, не произвело на приезжих впечатления. Тимур, как будто улыбнувшись глазами, открыл одну из сумок и стал доставать разные продукты. На столе появились хорошо прожаренная баранья нога, красная рыба, консервы и, наконец, большая бутылка виски.

Вскоре началось ночное пиршество с воспоминаниями о боях и подвигах. Воевали они в разных бригадах, свёл их госпиталь, но у каждого в памяти всплывали друзья-товарищи, соседи по полку, редкие, но всегда красивые девушки. Все шутили, пересказывали всякие подробности, припоминали смешные случаи и даже прегрешения многих, близких по СВО ребят. Неожиданно Кирилл вспомнил одного из смельчаков и любимцев его роты, сержанта Игоря Соболева. Об Игоре Соболеве знали все.

— Этот Игорёк снова на фронте, — сообщил он грустным голосом.

— Как? — удивился Прохор. — После такого ранения его взяли на фронт?

— Нет, не взяли, а спасли от тюрьмы, отправив на фронт. Иначе получил бы не меньше пяти-семи лет.

— За что? — воскликнул Прохор.

— Да за сушью *****! Чёрт его дёрнул, на спор с одним «либерастом» вылезти под большим подпитием на площадь в своём Хабаровске с лозунгом на фанерном щите. Вышел как со стягом, десять минут покрасовался, пока не замели под ручонки в каталажку. И началось! Завели дело. Он — через друзей: «Помогите!»

Большинство знакомых сразу «в кусты». К счастью, удалось выйти на командующего войсками Центрального военного округа, тот вмешался, подписал письмо в Минобороны, оттуда дали хороший отзыв: два ордена, тяжёлое ранение в голову, и на суде дело повернули к решению снова отправить его на фронт. Так что Игорёк опять воюет, правда, в тыловой части, сидит где-то в Авдеевке на ремонте, он же строитель.

— А что с «либерастом»? — спросил Прохор.

— А тот смылся из города с концами, потом стало известно, что в Эмираты подался. У него кличка в Хабаровске была Яшка-Клизма. В смысле пробивной, как клизма.

— А что за лозунги были, что дело до тюрьмы дошло? — снова поинтересовался Прохор.

— А я тебе скажу. Я через третьи руки получил снятую на площади фотографию, чтобы тебе при встрече показать.

Кирилл порылся в борсетке и достал небольшой конверт с фотографией.

— Вот что ему на щите накатал на спор в пятьсот долларов сбежавший «либераст».

Кирилл стал неторопливо читать: «Хабаровчане! Друзья и товарищи!

1. Наш народ требует в паспортах писать национальность. Мы, народ России, не стесняемся своей национальности и требуем рассмотреть этот вопрос в Думе.

2. Пересмотреть выборы в Думу и создать русское правительство в России.

3. Всех израильтян требуем отстранить от руководящих постов в России во всех ведомствах.

4. Пересмотреть приватизацию крупных заводов, народных предприятий и природ-

ных ископаемых, принадлежащих народам России».

— Вот с такими лозунгами наша «садовая голова» решила пятьсот долларов заработать, — отрапортовал Кирилл и спрятал фотку назад в борсетку.

— Ну и дела! — воскликнул Прохор. — Он что, спьяну это сделал или ширяться начал?

— По слухам, попал под влияние, задолжал, пошла накрутка, и безрассудно решил согласиться. Договорились, что он десять минут за пятьсот долларов простоит на площади Ленина. И, как назло, на десятой минуте подкатила полиция. Он бросил щит, побежал к своим приятелям, снимавшим всё на мобильники. А дружки, увидев полицию, рванули в разные стороны. Но не тут-то было! «Моя милиция» перекрыла дорогу, и Игоря схватили. Фанеру с призывами загрузили в машину, а его — в наручники и в каталажку.

— Откуда ты всё знаешь, в Хабаровск летал?

— Откуда-откуда? Оборвал телефон, звонил тем, кто с ним поглазеть на манифестацию приехал. Позже про суд подробности узнал. Говорят, что сам генерал-полковник Мордвичёв его спас. Помните, красавец? Старики ещё говорили, что он на маршала Рокоссовского похож. Здоровый такой и крепкий, как пожарная каланча. Игорь у него на глазах воевал, и тот всегда его в пример ставил. И вдруг — такое!

Кирилл остановился, отпил виски и продолжил:

— Говорят, Алексей Николаевич позвонил куда надо, письмо чуть ли не на имя Путина подписал. Слава богу, в суде сработало, отправили прямо из суда на Украину. Говорят, вёл себя спокойно, не геройствовал. Потом я звонил, чтобы узнать про эту либеральную дрянь, но Яшка-Клизма исчез в тот же день. Исчез и успел улететь.

— Куда? Где его искать? — спросил Прохор.

— Да теперь ищи не ищи, у нас он не появится. Говорят, подался в Эмираты, в Дубай.

— Лозунги вроде бы справедливые, — заметил Тимур, — особенно про приватизацию крупных заводов, но про указание национальностей — глупость. У нас столько набралось всяких «чукчей», что поди разбери, кто откуда... Страна большая, где-нибудь наверняка пристроишься. А мне и вовсе в паспорте нечего написать: я и армянин, и хохол одновременно. А по сути — «Тимур и его команда». Отец с матерью начитались Гайдара, вот и кликуху мне придумали.

— Ты отличный армянский повар, Тимур, — весело откликнулся Кирилл, — хохлы так мясо не готовят.

— А мне кажется, что вскоре всё изменится, — подал голос молчавший до сих пор Семён Кудин. — Недаром Путин сказал, что не хочет, чтобы Россия вернулась на путь, которым она шла до войны. Тут по телеку показывали Ельцина на конгрессе в Америке, когда он просил, чтобы Бог благословил Америку! Я чуть умом не поехал! Это надо до чего дошли наши предатели!.. Нет у нас теперь пути назад! Ребята вернутся с фронта — другую страну будем строить. Всех «либерастов» вслед за Яшкой-Клизмой в Дубай отправим. Или пусть Эрдоган с ними ручкается! В Думу изберём наших бойцов, они быстро там порядок наведут.

— А ты чего, Прохор, молчишь? — задал вопрос Кирилл, разливая виски по стаканам. — Станки мы твои найдём, а о том, как ты здесь живёшь, интересно бы знать...

— Как живу? Автомастерскую задумал сделать, новыми друзьями обзавёлся. Вот недавно малину у китайцев сажал, собираюсь стать участником движения «Деурбанизация», начатого в 2000 году.

— Это что ещё за хрень?

— Это не хрень, Кирилл. У нас здесь под боком работает большой семейный подряд — двенадцать человек решили завести своё хозяйство на той стороне Беспуты. Раньше, в годы индустриализации, деревенский человек рвался в город, хотел у государства «под мышкой» устроиться... А сегодня народ таким смогом надыхался, что бежит от города

как от чумы. Эти «деурбанизаторы» — народ умный, хозяйственный, организованный, за ними будущее. Подучусь у них и своё хозяйство заведу. А что? У меня почти двадцать соток здесь. Посажу всякую снедь, малиной разведусь. Есть у меня местный дружок Серёга, он готов и в автомастерской помогать, и по земле он специалист, в сельхозтехникуме учился.

— Значит, решил помещиком стать, Прохор?

— Почему обязательно помещиком? Нормальным хозяином своей земли. Будете приезжать сюда на отдых. Речка отличная, рыбная, можно хоть завтра искупаться.

— Искупаться можно, но вначале расскажи, как тут тебя грабанули? Есть хоть какие-то концы? Подозреваешь местных азербайджанцев?

Прохор стал подробно рассказывать, как всё произошло, кого подозревает и сколько теперь должен соседу Виктору Георгиевичу. Разговор затянулся надолго. Утомонились только под утро, так и не придумав, как помочь пострадавшему другу.

Однако утром пришло неожиданно решение. Поскольку едоков было много, Тимур заявил, что, если они здесь задержатся, нужны продукты, а особенно — хорошее мясо. Тут же Прохор вспомнил о чабане-дагестанце, держащем стадо баранов.

— А у этого чабана ягнёнка килограммов на пятнадцать можно купить? — спросил Тимур.

— Думаю, что можно. Здесь недалеко, — отозвался Прохор.

— Прекрасно! — загорелся Тимур. — Я сварю харчо, а потом запечём молодую ягнятину, сделаю «Гар хорови».

— Это как? — спросил Кирилл.

— Это барашек на вертеле. Традиционное армянское блюдо. Пальчики оближете. Но виски под такое мясо не годится. Нужен хороший коньяк. У вас есть здесь в магазинах «Манэ» или «Арменика»?

— «Арат» точно есть, — с гордостью сообщил Прохор.

— Ну что ж, тогда я берусь приготовить на стоящее пиршество.

— Погоди, Тимур, — вмешался Кирилл, — мы сюда приехали по делу, а не пьянствовать.

— А мы совместим и дело, и армянское блюдо «Гар хорови». Как я понял ещё вчера, этот чабан под подозрением, вот мы его и раскрутим. Купим ягнёнка, попросим освежевать, разговорим — вдруг он проболтается и укажет, кто станки утащил.

— Я у него был, поэтому надо тебе, Тимур, подключаться, — заметил Прохор.

— А я этим и займусь. Вас туда всех показывать не надо, нужна разведка. Где находится ферма?

— На выезде из посёлка Тарасково. Отсюда километра три, — доложил Прохор. — Я тебя могу подвезти на мотоцикле, а там метров триста пешком.

— Нет, это не годится. Нужен не мотоцикл и не наша «инвалидка», а нормальная машина. Прохор, неужели у тебя нет человека, кто на часок подскочит помочь? Скажи, что заплатим. Попроси кого-нибудь, — настаивал Тимур.

— Есть такой человек, был бы только дома.

Прохор достал мобильник и набрал телефон Виктора Георгиевича. Через двадцать минут «Приора» Виктора Георгиевича уже сигналила у ворот Прохора.

Перед отъездом все скинулись на ягнёнка, и Тимур с Виктором Георгиевичем поехали на промысел. По дороге придумали версию: дескать, Тимур построил в деревне дом, приехали гости на новоселье, а продуктов не хватило. Решили бараниной разжиться.

Подъезжая к ферме, они увидели, что хозяин загнал стадо в большой вольер, пристроенный к краю стены. «Приора» дала разворот и подкатила прямо к воротам фермы. Тотчас из окна выглянул чабан, жующий что-то на ходу. Через окно видно было, что за столом сидело много народа: женщины, дети... Тимур жестами показал, что просит хозяина выйти и поговорить. Тот мотнул головой и

вскоре вышел из ворот, хитро уставившись на неожиданных гостей.

— Чё вам надо? У нас обед, кушай, кушай, — показал чабан рукой на рот, а затем в сторону окна. На лице его отражалось неудовольствие и безучастное отношение к гостям.

— Хозяин, друг мой, — с какой-то предельной вежливостью начал разговор Тимур, — у меня гости, построил новый дом на краю деревни. Вот Виктор Георгиевич предложил приехать к тебе и раздобыть гостям мяса. Если можно, друг мой, продай ягнёнка килограммов на пятнадцать. Деньги есть, только не откажи.

С этими словами ловким жестом Тимур достал десять тысяч и протянул их чабану. Тот взял деньги, подержал их в руке и, скорчив гримасу, дал понять, что мало. Тогда Тимур пошарил рукой в другом кармане и достал ещё две тысячи. Чабан чмокнул губами, положил деньги в нагрудный карман и показал на вольер, где грудилось стадо.

— Выбэрай! — коротко бросил он, взял по дороге прислонённую к стене длинную палку и повёл гостей к вольеру.

Они оба сразу заметили молодого ягнёнка с чёрными подпалами и указали чабану на него. Тот вошёл в вольер и с криками «гья ниж наха!» начал палкой отгонять в угол, ближе к разделочному столу, обезумевшее от страха животное. В углу чабан поймал ягнёнка за задние ноги, отбросил палку, схватил со стола нож и в одну секунду заколол предсмертно взвизгнувшего ягнёнка. Оба гостя на секунду вздрогнули, но тут же приняли всё как само собой разумеющееся. Не тут-то было! Выбежавший из ворот фермы мальчишка, видевший, что отец сделал с ягнёнком, громко заревел, выкрикивая отцу обвинения.

Тот крикнул:

— Забият! — и тотчас в воротах появилась женщина, видимо, мать мальчишка.

Она схватила рыдающего мальчишку за руку и увела в помещение. Гости догадались, что ягнёнок был любимцем ребёнка.

Пока чабан снимал шкуру и разделявал ягнёнка, Тимур позвонил Кириллу, сообщил,

что мясо куплено и следует сделать из двух высоких пней приспособление для вертела и вырыть место для костра.

Когда связанную тушку чабан вручал Виктору Георгиевичу, а кучу завёрнутых в пакет потрохов — Тимуру, глазастый армянин заметил рядом с вольером кучу различных металлических отбросов. Среди них был толстый прут, подходящий для жарки мяса над огнём.

— Слушай, хозяин, одолжи для жарки этот прут, у нас там огонь развели, на нём ягнёнка пристроим. Тимур сказанное подкрепил жестом, крутя руками предполагаемую тушку. Дагестанец вытянул из кучи железа толстый прут и торжественно вручил его Тимуру. Тимур проверил прут на прочность, остался доволен и тут же обратился к чабану ещё с одной просьбой:

— Хозяин, у меня после стройки тоже много разного железа осталось, ты не подскажешь, кто здесь лом собирает?

Дагестанец пожал плечами, но, когда до него дошло, он, скорчив физиономию, бросил:

— Там... там, на Иваньково... кафе... Помогай... помогай там... Спросите...

Тимур обернулся к Виктору Георгиевичу с вопросом, знает ли он, о чём идёт речь.

Виктор Георгиевич мотнул головой: мол, знает это место. Тогда Тимур в порыве великодушия схватил чабана в объятия и чуть не расцеловал. Когда оба уселись в «Приору», Виктор Георгиевич показал Тимуру большой палец и добавил:

— Это кафе называется «Ласточка» и принадлежит одному азербайджанцу. Лом он не собирает, у него огромный строительный магазин, но это — зацепка. Ты молодец, Тимур, ловко поймал на крючок этого хитреца.

* * *

Воодушевленный похвалой Тимур расспросил Виктора Георгиевича, далеко ли отсюда кафе «Ласточка». Узнав, что в двух километрах, он тут же уговорил Виктора, — так

он теперь стал величать его, — проскочить до кафе, чтобы, как он выразился, «визуально знать, где логово преступников».

В это время Прохору, готовящему место для приготовления баранины, неожиданно позвонил Сергей. Он был на таком взводе, что Прохор не сразу врубился, что случилось. А Серёга кричал о наглых китайцах, что он сейчас рванёт туда к Марине и разнесёт всю эту приезжую банду.

Оказывается, случилась беда. Позвонила спасительница Марина Львовна и сообщила, что они небольшой группой после обеда приехали на свой участок, а там объявились китайцы. Начался конфликт, чуть не дошло до драки. Этот участок китайцы в 2021 году бросили из-за ковида, а теперь неожиданно вернулись. Их человек десять, с главарём из «наших» — по виду азербайджанцем. Китайцы подожгли посадки малины, трактором выкорчёвывают грядки с капустой, выдернули посадки огурцов и помидоров в построенных ими теплицах, к тому же загорелся дом. Марина умоляет срочно вмешаться, остановить это «китайское нашествие».

— Давай!.. Давай, Прохор, надо помочь... Выгребайся! Я уже бегу туда! Попроси друзей, прошу тебя...

Прохор тут же рассказал Кириллу и Семёну о том, что приехавшие отнимают участок земли у его знакомых «деурбанистов», что это недалеко, что там уже всё горит, следует вмешаться. Без слов и обсуждений ребята быстро сели в «инвалидку» и по указанию Прохора погнали к мосту через Беспуту. По дороге они подхватили бегущего в ту сторону Сергея и уже впятером помчались к участку.

Вскоре впереди показалась широкая полоса дыма. Подбежав ближе, все увидели горящую землю, полыхающую синим огнём, дом и почувствовали жуткий запах плавящейся синтетики.

Действительно, картина, переданная Сергеем, оказалась верной. «Инвалидка» подкатила в самый разгар конфликта. Китайцы — человек десять — вооружились лопатами и граблями, держались толпой и с криками

выгоняли с участка пятерых местных — двух мужчин, а остальные — женщины. Кричали они на своем языке, понять ничего было нельзя, и только голос одного человека, по виду кавказской национальности, долетал русским матом.

Это был рослый, выше ста восьмидесяти сантиметров мужик, толстый, килограммов под сто тридцать, с большим животом, смуглый. Короткая стрижка — ёжик обрамляла круглое лицо — полное, безбородо-безусое, с маленькими глазками, а двойной подбородок наслаивался сзади аж на шею.

Кирилл громко просигналил клаксоном, резко развернул машину в обратную сторону и, съехав на обочину, заглушил мотор. Трое ребят — Сергей, Прохор и Семён, — перепрыгнув дорожную канаву, ринулись к своим. Те от радости завизжали и кинулись навстречу. Марина Львовна бросилась к Сергею, схватила его за руку и стала указывать на трактор, который безжалостно срезал длинные рядки посаженной зелени. Сергей дал понять, что задание понял, и, рванув с места, крикнул:

— Ну, держитесь! Сейчас мы вам устроим «бои без правил»!

Участок из грядок, где работал трактор, находился в глубине и был отгорожен обгоревшим полем малины. Сергей в сандалиях рывком шагнул на ещё не остывшую золу и отскочил. Ноги обожглись о скрытую, ещё красноватую труху малины, недавно посаженную им самим. А вот Семён в военных берцах пошёл напрямик. Он шагал по чёрной копоти, которая дымилась под ногами, оставляя длинный след.

Вскоре он очутился перед идущим на него трактором. Бывший разведчик, худощавый, среднего роста, большеглазый, почти седой, с виду не внушавший опасения, вдруг превратился в бесстрашного и смелого бойца, защищавшего своих обиженных сородичей. Он высоко вскинул руки и каким-то нутряным хрипловатым голосом закричал:

— Стоять!!! Глуши мотор, чёрт тебя побери!

Однако китаец, не сбавляя скорости, вёл трактор прямо на человека. И вдруг, перебивая крики и гул мотора, раздалась громкая очередь из автомата. Это Кирилл достал из багажника свой малогабаритный «АМБ-17» и выпустил предупреждающую очередь в воздух.

В одно мгновение всё вокруг замерло, только стая птиц с соседней опушки испуганно взлетела в воздух. Матерящийся азербайджанец, только что сквернословивший по-русски, внезапно стал кричать матом «на своём». А глаза его испуганно уставились в сторону стрелявшего. Внезапно, замавав руками, он в приказном порядке что-то по-китайски крикнул своим подопечным. Те трусили и, опустив лопаты, пугливо уставились на стрелявшего человека. Громадный, взлохмаченный Кирилл шагал через горящую землю, на перевязи у него был автомат, и похож он был на богатыря из древнерусского эпоса.

Трактор чихнул и затих. Испуганный китаец-тракторист высунулся из кабины и начал что-то кричать толстому начальнику, указывая на перебившего дорогу Семёна. Толстяк, выкрикивая «ограш пох!», кинулся к Семёну и, размахивая откуда-то появившимся пистолетом, начал руками и всем грузным телом выпихивать Семёна с дороги. Семён сделал обманное движение, в одну секунду выбил у толстяка пистолет и, уложив его на землю, заломил ему сзади руки. Подбежавший Прохор ловко связал их ремнем, и громила, уткнувшись в землю, завыл, продолжая материться.

В это время на дороге появился красный джип, он гудел на всю округу долгим, несмолкающим сигналом. Машина съехала на обочину, из кабины выскочил мужчина лет пятидесяти, невысокий, с длинной шевелюрой, прикрытой бейсболкой.

Спортивные «окуляры» закрывали лицо, и только длинный с горбинкой нос остро торчал впереди очков. Группа русских кинулась к приехавшему и окружила его. Это был хозяин участка — Долматов Сергей Лазаревич.

Начался гвалт, посыпались обвинения. И вот все кричали разом.

Семён и Прохор подвели связанного азербайджанца. Долматов потребовал развязать ему руки.

— Рома, — закричал Долматов, — ты что, с ума сошёл? Что ты здесь устроил? Почему не предупредил, что вы приедете? — Униженный и перепуганный Рома опять матерился, грозя в сторону Семёна и Прохора кулаками.

— Не я сошёл с ума, а эти... беспредельщики... мать твою, защитники... Напали на меня, вывернули руки, забрали мой травмат. А этот... — указал он в сторону Кирилла. — Начал стрелять из автомата...

— Ты чуть человека не задавил! — перекрывая гвалт, закричал Сергей. — Если бы он не дал очередь, твой китаец на него бы наехал.

— Врёшь! Он просто пугал их, чтобы этот идиот освободил дорогу! А вы, кретины, сошли с ума, напали на бригадира китайских фермеров, устроили драку. Кто тебе дал право автоматом грозить? — крикнул он снова в сторону Кирилла. — Идиоты! По кому стреляете, дураки? По китайским товарищам, нашим друзьям?! У нас на руках договор до конца года! Нет-нет!.. Я это так не оставлю! Завтра же пойду в полицию с нашими документами на этот участок. Тебя, Лазаревич, посадят вместе с этими головорезами за такой беспредел! И потом это ты меня обвиняешь?! Да я тебе несколько раз звонил, но ты не отвечал!..

— Рома, тот номер, что я тебе давал, на симке, которая во втором моем мобильнике. Откуда я знал, что вы сегодня нагрянете? — стал оправдываться хозяин земли. — Слава богу, позвонила Марина Львовна на другой мой номер, — в подтверждение своих слов Долматов стал трясти телефоном перед носом толстяка. — А то вы бы здесь друг друга перестреляли.

Начались выяснения отношений. Оказывается, ответственный за китайскую группу азербайджанец с русским именем Роман в свое время подписывал договор на использование земли китайскими фермерами с хозяи-

ном участка Сергеем Лазаревичем. А теперь, выходит, он не предупредил Долматова о возвращении китайцев. Не дозвонился до него! Китайские фермеры, приехав на место и увидев, что участок, оплаченный ими по договору до конца 2024 года, захвачен другими людьми, пришли в ярость и начали крушить чужое.

Кто-то умудрился подпалить посаженную малину. Пламя вспыхнуло яркое. Казалось, сама земля горит. Ветер погнал огонь по всему полю, и он перекинулся на дом, который запылал как факел. Все посадки в одно мгновение стали превращаться в чёрную ломкую солому.

Чуть раньше кто-то из китайцев съездил к знакомым в ближайший посёлок Тарасково и пригнал трактор, который стал перепаживать землю и срезать посаженные русскими грядки лука, редиски и укропа.

По сути, проблема была такая. Деурбанисты решили, что китайцы с концами удрали от ковида. После них осталась отличная земля вместе с теплицами. Потому деурбанисты решили, что это всё можно занять и не спешить заключать договор с хозяином. В свою очередь, хозяин, осторожный и дальновидный Долматов, хотел дожидаться конца года и тогда на законных основаниях отдать участок своим — то есть симпатичным ему деурбанистам.

Наконец Долматову с большим трудом удалось всех успокоить. Он предложил выход:

— У меня есть ещё один участок. Предлагаю немедленно поехать и посмотреть его. Если понравится, я тут же подпишу с вами договор и уплачу неустойку.

Последние слова об «уплате неустойки» сразу изменили ситуацию. Опытный Долматов стал убеждать всех, что сейчас ещё июнь и, если постараться, многое ещё можно успеть посадить. Тут же стал перечислять те культуры, которые быстро дадут урожай.

— ...Сейчас длинный световой день, — доказывал он, — не поздно посадить укроп, листовой салат, кинзу, шпинат, капусту или, как у меня, фасоль и пак-чой. Для по-

садки я от себя привезу вам сотню кустов малины.

Перепуганный разразившимся скандалом Долматов готов был выложиться на все сто, лишь бы успокоить конфликтующих. Очень уж ему не хотелось, чтобы эта история разползлась по району. Он отвёл в сторону Романа и стал уговаривать его не поднимать шум. Тот кивал на китайцев, намекал на их связи. Рома был уверен, что китайские фермеры станут жаловаться. Упрямый и оскорблённый толстяк в конце концов согласился молчать, правда, если китайские фермеры не станут давить и возмущаться.

Вскоре на трёх машинах поехали к Долматову, посмотрели большой участок в полтора гектара, рядом была электролиния, а в паре сотен метров — речка. Разумеется, тут же договорились о подписании аренды с приложением договора о совместной деятельности. Долматов широким жестом вручил главной заводиле деурбанистов Елене Ковиной неустойку. Сошлись на семидесяти тысячах.

Марина напомнила о посадке малины, и Долматов в ближайшие дни согласился привезти обещанные сто кустов.

В это время позвонил Тимур и доложил, что баранина почти готова, коньяк куплен и он с Виктором Георгиевичем всех ждёт на пиршество. Сообщение Тимура в корне изменило обстановку. Прохор тут же пригласил всю компанию деурбанистов к себе домой. Они сразу же согласились и с хорошим настроением на двух машинах поехали в Кремнёвку.

Когда подъезжали к самому дому, запах мяса, готовящегося на костре, вызвал у всех дьявольский аппетит. И пережитое тотчас сменилось радостным расположением духа. Вскоре компания устроилась рядом с костром, все набросились на отлично приготовленное харчо, а затем стали лакомиться ягнёнком. Тимур большим острым ножом отрезал для каждого куски баранины, разливал по кружкам коньяк, и вскоре от конфликта уже не осталось и следа. Начался дружеский

задушевный разговор, новые знакомые провозглашали здравицы в честь спасателей и по очереди благодарили каждого.

Марина смазала кремом обожжённые пятки Сергея и, не устая, нахваливала его за смелость, благодарила, что он вызвал таких отважных друзей.

Кириллу захотелось больше узнать об их товариществе с тяжело проговариваемым определением — «де-ур-ба-нисты». Он обратился к понравившейся ему Лене — биологу и наиболее бойкой из всех женщин с просьбой, чтобы та рассказала, что к чему.

— А у вас хватит терпения выслушать? — кротко спросила Елена. — Дело ведь простое и весьма... знаменитое.

Кирилл отложил в сторону кружку с коньяком и почти трезвым голосом поклялся:

— Ей-богу, будем слушать всеми ушами. Да ведь, ребята?

Все дружно откликнулись согласием.

— Хорошо, если я что-нибудь пропущу, добавят Аня и Гриша с Димой.

Гриша — мужчина лет сорока, небольшого роста, крепкого телосложения и весёлого нрава — был их водителем. Он ел и харчо, и барашка, но отчаянно силился не прикасаться к коньяку, зная, что придётся всех везти обратно. Всё же не удержался: незаметно отведал и спиртного.

Аня, маленькая, опрятная и молчаливая женщина лет тридцати, не выпускала из рук мобильный телефон и вела видеосъёмку происходящего. Особенно доставалось Семёну. Его «героический выход» и противостояние с мчавшимся на него трактором Аня успела заснять и с гордостью показала сюжет всей компании.

Самыми неразговорчивыми и скрытными в этой группе были двое. Дима — высокий красавец брюнет с аккуратно подстриженной бородой и густым, как оказалось, вокальным баритоном. И Жан-Пьер — француз, приехавший изучать опыт деурбанизации из Парижа. У француза, наоборот, была большая борода, обликом он напоминал русского старообрядца и общался, как правило, с Еленой,

которая хорошо знала английский и изредка переводила гостю, о чём говорят остальные.

— Само слово «деурбанисты», — продолжила Елена, — хоть и отражает центральную мысль нашего дела, но далеко не всё. Так что не с него надо приступать к этой теме. Как ни странно, надо начать разговор с государства. Да-да, в 2018 году в Москве состоялась конференция «Устойчивое развитие городов будущего». На предварительный форум 16-17 мая были приглашены специалисты-инноваторы всевозможных отраслей. Из них были сформированы пять групп: экогород будущего (группа, в которой участвовали мы), экообразование, экоинфраструктура, экомедицина и экспорты будущего. Я была приглашена как основательница первой российской научной школы долголетия и проекта «Московское долголетие».

Сам форум состоялся 18 мая, в годовщину со дня смерти Жака Фреско, основателя проекта «Венера» и гения, прожившего более ста лет и одержимого идеей справедливых и технологичных городов будущего. На форуме было много иностранных наблюдателей, благо, у меня свободный английский, и я смогла лично пообщаться с Роксаной Медоуз — соратницей Жака Фреско. Сейчас я думаю, что этот форум был всего лишь ширмой, отвлекающим маневром глобалистов, готовящих очередную передел планеты.

— Надо же, эти хапуги даже в такое дело влезли! — подал голос Прохор.

— Влезли, да ещё как! — подхватила Елена.

— На форуме тогда присутствовало несколько тысяч человек, но сейчас в сети уже не найдёшь ни его результатов, ни потрясающих по смелости и полёту мысли проектов, выдвинутых рядовыми участниками собрания.

— Наша группа была одной из пяти, участвовавших в конкурсе, — вставила Аня, на секунду оторвавшись от видеосъёмки, которую вела.

— К тому же мы были лучше всех подготовлены, — с гордостью добавила Елена. — Но,

к сожалению, обещанная помощь ключевых российских и иностранных министерств победителям конкурса не была предоставлена.

— Елена на секунду замолчала и добавила: — А победителем как раз и была наша группа «Экогород». Кстати, проекты всех групп у меня сохранены на диске, если у кого будет желание взглянуть, покажу.

— «Проектирование идеального будущего». Это что-то вроде «Города Солнца» Кампанеллы? — спросил Прохор.

— Не совсем, но хорошо, что ты интересуешься этими вопросами. К сожалению, после того, как планетой завладели монетарные связи, приоритет справедливости заменили выгодой. Кстати, было много попыток воплощения общин справедливости: «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы, община Чартаева, «Обитель Рассвета».

К нашему общему стыду, сегодня построить город социальной справедливости в мире денег нереально. Такой город неминуемо исчезнет сам либо будет стёрт с лица земли гонителями. За исключением если только вместо денег будет установлен натуральный обмен, как у наших предков. Либо все станут жить не понятиями «выгодно — невыгодно», а убеждениями «совестливый — бессовестный» или хотя бы «справедливый — несправедливый».

— К сожалению, пока человек не научится правильно пользоваться разумом, справедливости не будет. Не будет ничего из того, что описано в этих проектах, — вмешался водитель Григорий.

— И тем не менее форум, на мой взгляд, войдёт в историю, — возразила Елена. — Неоценимым его вклад оказался вовсе не в том, чтобы «пустить пыль в глаза» иностранным наблюдателям... Ну, чтобы показать им, как якобы хорошо и свободно находят у нас господдержку передовая мысль лучших изобретателей и реформаторов... А в том, что действительно нестандартные люди с прогрессивным мышлением смогли познакомиться в процессе творческой работы и совместно проектировать будущее планеты.

— И какое будущее вы совместно сотворили? Отобранный у китайцев участок — на двенадцать человек?.. — вновь вмешался Прохор.

— Во-первых, нас гораздо больше, — возразила Елена, — только в нашей подгруппе более семидесяти человек. Причём людей разных профессий, достатка и положения. Во-вторых, мы привлекаем своих лучших друзей и знакомых в нашу новую общность, в нашу «ЗАРЮ». В переводе группа единомышленников живёт под названием «Знание, Альтруизм, Радость, Ясность»!

— Смотри-ка, — подал голос Семён, — неплохо, даже красиво.

— Нам тоже нравится. Но главное, воплощая идеи «ЗАРИ», мы поняли, что нам надо сделать.

Елена, загибая пальцы на руке, начала по пунктам перечислять стоящие перед ними задачи.

1. Экогород будущего будет неразрывно связан с экопоселениями, причём большинство людей будет жить не в городах, а именно в малых (до 100-200 человек) населённых пунктах, которых будут миллионы в каждой стране. Тогда никто — ни один карательный отряд, ни какая-либо госмашина — не сможет их уничтожить, как уничтожаются сегодня в разных точках планеты наиболее успешные, но единичные крупные поселения, решившие воплотить принципы социальной справедливости.

2. Деурбанизация предотвратит превращение городов в Содомы и Гоморры. Взрослые люди будут выезжать на городские высокотехнологичные производства не более чем на 1-2 дня в неделю.

3. Свободное время, 5-6 дней в неделю, люди будут проводить в сельской местности, посвящая его семье и трудовому воспитанию своих детей. Люди будут наслаждаться простым крестьянским трудом, который так спланирует семью и который станет намного легче и интереснее благодаря развитым технологиям. Они станут сами производить экологически чистое питание для своих семей и

обмениваться с соседями продуктами. Агрохолдинги со своей губительной для земли и здоровья людей химизацией сельского хозяйства канут в Лету.

Детство вернётся в деревню. Дети из обузы вновь станут желанными помощниками, увеличивающими достаток семьи. Уже с малых лет они станут уважаемыми созидателями. Увеличится рождаемость, возрастёт продолжительность жизни. В больших семьях, состоящих из нескольких поколений, прекратятся разводы, увеличится показатель роста знаний, передачи опыта и умений по наследству от предков к многодетному семейству.

Пропадут дома престарелых и детдома. Исчезнут малые семьи, ведь часто в них — расадники эгоизма, а родители наперегонки обслуживают единственное чадо. Дети будут сизмальства воспитываться в атмосфере дружбы, альтруизма и братской взаимопомощи. Восстановится не только демография, но человечность, доверие, совесть и справедливость. Терпеливость, благоразумие и благодеяния вернутся во взаимоотношения людей на всех уровнях.

Таким образом, бескровно и постепенно общество перейдёт к истинному безденежно-натуральному общинному строю, весьма отличному от того денежно-коррупцированного, бюрократическо-террористического псевдокоммунизма, который так разочаровал лучшие умы России в прошлом веке.

...Вот на таких принципах и целях наши соратники стали находить общий язык и привлекать единомышленников. — Елена окинула всех присутствующих взволнованными, горящими глазами и подвела черту: — Сегодня наша задача — искать тех, кто действительно готов к общинным отношениям. Самая лучшая сонастройка, как и проверка на вшивость, — это совместное созидание.

После воцарившейся тишины неожиданно заговорил молчавший до сих пор Виктор Георгиевич:

— Во-первых, спасибо за этот доклад. Мне было интересно. В вашем плане есть то, что

было лучшим в советское время. Мне седьмой десяток, я многое помню.

— Дорогой товарищ, у нас нет идеологии, как в советские времена, мы за победу рационального добра, — возразила Елена. — Если хотите — за «Святую троицу» как идеал любовного союза нескольких лиц. А главное, мы за всеобщую регулирующую и преобразующую ответственность к природе. Только такое мировоззрение, как мне кажется, способно организовать общее дело.

— Что можно сказать? Вы — молодцы! — торжественно продолжил Виктор Георгиевич. — Я два года как староста нашей Кремнёвки. На своём опыте скажу, что вот эта самая сонастройка возможна. Я в неё верю. В деревне, если надо было помочь, раньше подключались все, сейчас стало больше эгоистов. Но мы живём, имея свои дома, свои участки. А как же вы будете жить, не имея, где преклонить, как говорится, голову? Это — слабое место в вашем плане.

Чтобы поднимать брошенную здесь землю, надо здесь и жить. Одной любви мало, надо организовать быт. Провести электричество, воду, а главное, построить хотя бы пару домов у реки. Тогда у вас будет совместное соиздание, контроль над всем участком и будет место для отдыха и воспитания трудом детей. Поэтому у меня конкретное предложение. Неподальёку от вас живёт Вера Кудрявцева, у неё два участка, примыкающих к вашему. Надо купить эти участки и построить на них собственное жильё.

— А зачем нам расширяться? Нам и своей земли предостаточно, — возразила Елена.

— Дело в том, что у Кудрявцевой к этим участкам подведены вода, свет, а главное, на каждом из них есть крепкий фундамент для постройки дома. Она хотела расстроиться, потом пригласить родственников и детей жить здесь, но умер муж, и дело остановилось. На той неделе она объявила о продаже этих участков. Продаёт она недорого, но можно и ещё поторгаться.

— А что, дельное предложение, — густым басом встрял до сих пор молчавший Дима, —

вот что значит сельский человек: и дружеское участие, и хороший план. Загвоздка только в деньгах. Эта Кудрявцева уже объявила цену за свои участки?

— Да, объявила. По шестьсот тысяч за каждый.

Раздался тяжёлый вздох и молчаливая пауза.

— Цену можно сбить, — тут же продолжил Виктор Георгиевич, — ну, положим, до пяти сотен тысяч. Даже по нашим деревенским меркам это недорого. Участки по пятнадцать соток, поставите теплицы, я вам помогу, и посадите что захотите.

— А где взять денег? — тихим голосом спросила Аня.

— Скинемся, а недостающую часть возьмём в кредит, — неожиданно твёрдо заявила Елена, — у меня старые связи с банком «Кубань Кредит».

— А вы что молчите? — обернулась к Кириллу Елена. — Я вас заговорила?

— Нет, не заговорили, а околдовали, — смущённо отозвался Кирилл. — Кабы не война, и я бы в такое дело подписался.

— Так вы вроде уже отвоевались?

— Да где ж там, всё время в голове, как там наши ребята... Я ещё во сне воюю.

— Вот и расскажите, где вы воевали? — подала голос Аня и тут же нацелилась видеокамерой на Кирилла.

— Все мы трое Авдеевку брали, а познакомились в военном госпитале в Богучаре. Семён — из разведывательного батальона «Спарта», я — из штурмового «Сомали», а Прохор — десятый танковый полк, ремонтная бригада. А Тимур в том госпитале поваром был. Его списали по болезни.

— А награды есть? — вновь спросила Аня.

— У меня нет, а у них — полно, — доложил Тимур. — Особенно у Кирилла.

— Так что же вы их не надеваете? — воскликнула Елена. — В ту войну... в Великую Отечественную... все солдаты награды на груди носили, было чем гордиться.

— Дело в том, Лена, что не все люди на эту войну правильно реагируют, а значит, и

на нас. Я, когда вернулся с фронта, даже на работе в охране медали носил. А тут как-то в очереди мне крикнули: «Ишь, вырядился, лезет без очереди!» Не объяснишь же, что мне в очереди долго стоять трудно: пятки снесло. С тех пор награды спрятал, а в дорогу взял на всякий случай — вдруг пригодятся. Так что награды с собой... Здесь, — Кирилл смущённо улыбнулся и постучал по нагрудному карману.

— Ну-ка, дайте взглянуть.

Елена подседа ближе к Кириллу, беззастенчиво расстегнула карман его куртки и, достав медали, громко прочитала названия:

— Эта медаль «За отвагу»! Вот медаль «За разминирование», а это, смотрите-ка, орден Мужества.

Взвесив на руке награды, она вдруг безо всяких церемоний прикрепила их к куртке Кирилла и повернулась к другим ребятам:

— А ваши где медали? — командным голосом спросила она.

Семён достал из кармана свой орден Мужества и показал его на ладони. Аня быстро взяла его и тотчас прикрепила на свитер Семёна.

— Марина, — обратилась Елена к Марине Львовне, — ты говорила, что у Прохора и Сергея тоже есть награды?

— Да, есть, — подал голос Прохор. — У Сергея — грамота, а мой орден Мужества дома в буфете лежит.

— Прохор, дорогой хозяин этого дома, — торжественно заговорила Елена, — я хочу предложить здравицу за вас и ваших друзей-героев. Прошу вас, пожалуйста, наденьте вашу награду. Вы столько для нас сегодня сделали! Это заслуживает быть запечатленным на видео нашей Ани! И еще — отдельного салюта в вашу честь. Но, поскольку вы уже дали спасительную очередь, перепугав птиц и китайцев, отдельный тост за ваше мужество мы огласим.

Прохор не стал возражать, сбегал в дом и, весело улыбаясь, вернулся с прикрепленным к рубашке орденом. Кирилл разлил коньяк, все устремили взгляды на Елену.

В это время раздался сигнал подъезжающих к воротам двух машин. Через забор было видно, что первая машина была полицейской, из нее вышли два человека в форме. Из второй машины появился азербайджанец Рома, а следом вылез китаец, похожий на того, кто работал на тракторе. Гости не торопились приближаться, а сигналили, боясь подходить, или ждали, когда их встретят.

Тяжкий вздох раздался у костра. Настроенное у компании мгновенно испортилось, все притихли и застыли в ожидании. Прохор со злым выражением лица пошёл открывать ворота. В это время Елена торопливо, под предлогом, что забыла кофточку, неожиданно попросила у Кирилла ключи от его машины и побежала за дом, где были оставлены «Приора» Виктора Георгиевича и «Лада» — «инвалидка» Кирилла.

Прохор разблокировал ворота забора, поставленного накануне приезда «мушкетёров», и, не торопясь, пошёл к непрошеным гостям. Он сразу понял, что о сваре с китайцами донесли в полицию, и вот следствие — приехал наряд разбираться с участниками. Направляясь к не спешившим подходить полицейским, он лихорадочно думал, что им сейчас предъявят и как защищаться. Ясно было, что обиженный Рома пожаловался полиции и теперь они знают и о пожаре, и о стрельбе, и о затеянной бригадиром китайцев драке. С огорчением Прохор вспомнил, что автомат остался в машине — теперь им придётся отвечать и за оружие.

Подойдя ближе, Прохор узнал в одном из полицейских лейтенанта, который приезжал по вызову в связи с кражей станков, и на секунду подумал, что, может, всё обойдётся. Но присутствие китайца и Ромы говорило о том, что на этот раз полицейские приехали из-за конфликта на участке.

Первым заговорил знакомый лейтенант.

— Товарищ капитан, — обратился он к старшему по званию. — Я уже вам докладывал, что дней десять назад я приезжал сюда по поводу кражи станков у гражданина Волкова. Вот, он вновь отличился.

— В каком смысле, товарищ лейтенант, я отличился? — спросил Прохор и, не скрывая презрения, посмотрел на Рома.

— Нас интересует, не у вас ли находится приезжая группа людей, принимавших участие в драке на седьмом участке, по договору принадлежащем кооперативу китайских фермеров? — требовательно спросил капитан.

— Да, они у меня. Но, уверяю вас, товарищ капитан, что драку затеяли не мои гости, а вот этот гражданин по имени Рома. Он угрожал моему товарищу оружием и первым полез в драку.

— Ты — кэчи *****! — жестикулируя, выругался Рома. — Врёт, а ещё медаль нацепил! — уязвил он. — У меня было не оружие, а травматический пистолет для самообороны. И не я начал драку, товарищ капитан, я защищал наших друзей. На мне ответственность, у меня целая группа китайских фермеров, за которых я расписался по договору, — захлёбываясь, скороговоркой долбил он и, указывая за забор, выкрикнул: — А среди ваших дружков находится бандит, который стрелял из автомата и чуть не попал вот в этого китайского товарища.

— Это неправда, товарищ капитан! Мой гость стрелял из автомата в воздух, потому что этот «звонарь», этот «ответственный» стукач набросился с пистолетом на моего приятеля, затеял драку и к тому же, не переставая, матерился при женщинах. Всё это люди слышали и видели, есть свидетели. Вы пройдите на участок, товарищ капитан. Всё легко установить, все свидетели этого конфликта у меня в гостях.

В это время Тимур, стараясь держаться непринужденно, начал играть на гитаре и запел песню Высоцкого «На Большом Каретном». Все подхватили, и песня загрела на всю округу.

— А чем вы, собственно, занимаетесь? — с раздражением спросил капитан. — Я вижу, развели костёр, большая компания, слышу — поют...

— Ко мне приехали мои друзья — участники СВО. Днём нас попросила группа жен-

щин, арендующих этот участок, их защитить, а сейчас мы всей компанией ужинаем. Пройдите... пройдите, товарищ капитан. Поговорите с людьми, вам сразу всё станет ясно.

— Ну что ж, давайте пройдем.

Капитан вынул пистолет, уступил дорогу Прохору, они все вошли во двор и направились к костру.

— Здравствуйте! Капитан Головкин, — представился полицейский, — отдел МВД по городскому округу Кашира. На всю вашу компанию есть жалоба.

Из папки, которую захватил лейтенант, капитан извлёк несколько страниц и стал зачитывать корявую писанину на русском о нападении на китайских фермеров неизвестной группы людей, вооруженных автоматом и владеющих приемами рукопашного боя. В конце клеветнического письма капитан в дополнение озвучил короткое обращение фермеров в китайское посольство.

К первым двум оговорам было приложено заявление Романа Векилова в полицию города Кашира о хулиганском нападении неизвестных вооружённых людей на участок кооператива С. Л. Долматова, принадлежащий по договору китайским фермерам, с требованием наказать виновных.

— Разрешите мне сказать, товарищ капитан? — бойко начала Елена, встав во весь рост.

— Не разрешаю! — резко ответил капитан Головкин. — Одного заступника мы уже слушали, — он указал рукой в сторону Прохора. — Поэтому вопросы здесь буду задавать я.

— Простите, капитан, но всё было не так, как изложено в этих безграмотных писульках.

— Женщина, повторяю, сейчас вопросы буду задавать я и, если сочту необходимым, дам слово кому-то из вас. Мы приехали не устраивать здесь дискуссию. Вас обвиняют в хулиганском поступке с использованием оружия и угрозами нашим друзьям, китайским товарищам, которые на законных основаниях пользуются этим участком. Они полноправные члены кооператива, собственником

которого является господин... — капитан стал искать имя владельца в заявлении.

— Долматов Сергей Лазаревич, — услужливо подал голос азербайджанец.

— Долматов, — согласился капитан. — Итак, первый вопрос, кто стрелял из автомата и на каком основании у вас это оружие?

Кирилл, полулёжа у костра, с усилием приподнялся на локте и, закипая от гнева, ответил:

— В воздух из автомата «АМБ-17» стрелял я, Кирилл Игнатьев. Ещё недавно сержант штурмового батальона «Сомали», ныне комиссованный, работающий охранником на военном объекте номер в/ч 45117 города Воронежа.

— Гражданин Игнатьев, вы могли бы, как военный человек, докладывать стоя, а не вразвалку, как это вы демонстрируете.

— Товарищ капитан, я у костра снял протезы, но, если вы так хотите, я доложу стоя. — Кирилл пристроил к ногам лежащие рядом специальные берцы для инвалидов, встал во весь свой огромный рост, и в свете отблеска костра на груди сверкнули его награды.

На минуту капитан смутился, но, взяв себя в руки, выдавил:

— Простите, я не знал, что у вас такое... с ногами.

— А у нас, товарищ капитан, у всех присутствующих здесь друзей хозяина дома, «что-то такое» с руками, с головой и с другими частями тела. Не смущайтесь, допрашивайте, нам свои поступки скрывать не к лицу. Да, из «АМБ-17» стрелял я. Автомат закреплён за мной, на это есть документы. По положению работника охраны военного объекта имею право в случае нападения дать предупредительный выстрел в воздух. Когда субъект, который подсказывал вам фамилию господина Долматова, вытащил пистолет и напал на моего товарища... Семён, покажись! Вот, — Кирилл указал на быстро вставшего Семёна, — это Кудрин Семён, разведчик 80-го отдельного гвардейского полка батальона «Спарта», награждённый орденом Мужества. Когда он увидел нападавшего на него вооружённого

человека, разведчик Семён Кудрин, как и полагается, разоружил этого господина. Дальше они с Прохором Волковым связали его, чтобы сообщить о случившемся инциденте и передать его в руки полиции. Позже между нами произошло примирение, которое, к сожалению, было нарушено этими доносами, которые вы, товарищ капитан, зачитали.

Капитан надолго замолчал, оглянулся на прикусившего язык Романа и притихшего китайца и наконец приказным тоном сказал:

— Сержант Игнатьев, первое — это сдайте оружие!

— Автомат «АМБ», выданный мне на военном объекте номер в/ч 45117, находится в багажнике моей машины.

— Лейтенант Пономарёв! — командным голосом выкрикнул капитан. — Перепишите всех участников этого... так называемого ужина. А вы, Игнатьев, показывайте, где хранится оружие.

Капитан направился с Кириллом к машине, а все остальные прошли в дом и столпились у стола. Лейтенант стал торопливо записывать всех участников конфликта на седьмом участке кооператива Долматова.

Кирилл открыл багажник машины, отодвинул в сторону продуктовые сумки Тимур — автомата на месте не оказалось. Кирилл растерянно посмотрел на капитана и извиняющимся тоном сказал:

— Автомат был здесь, куда он подевался, ума не приложу...

Капитан хмыкнул, внимательно посмотрел на Кирилла и медленно процедил:

— А вы приложите ум и вспомните, куда спрятали. Лучше отдайте автомат, иначе мы обыщем весь дом.

— У меня нет привычки прятать оружие, — твёрдо ответил сержант. — На фронте оно для другого предназначено.

— Будем искать! — выкрикнул капитан.

— Ищите, но дом не мой и без постановления вы не имеете права делать обыск. К тому же хозяин дома — младший лейтенант Волков. Убеждён, что он вам не разрешит здесь самовольничать.

— Покажите ваши документы, — потребовал капитан.

Кирилл из нагрудного кармана достал паспорт, который капитан торопливо забрал. Указав направление рукой, приказал:

— Следуйте за мной!

Они прошли к полицейской машине, сели на заднее сиденье, и капитан стал оформлять протокол задержания.

Лейтенант, закончив перепись, тоже подошёл к машине и, протянув капитану папку с бумагами, торжественно доложил:

— Товарищ капитан, вот фамилии всех участников. Что прикажете с ними делать?

— Пусть пока веселятся, а этого мы возьмём с собой.

Кирилл попробовал двинуться на сиденье и крикнул:

— На каком основании? У меня документы на этот автомат!

— Сержант Игнатьев, прекратите орать! Лейтенант, сядьте с другой стороны. — Лейтенант быстро исполнил приказание. — На каком основании мы вас задерживаем, вам объяснят в полиции, а пока не советую сопротивляться.

Увидев, что к машине бежит Прохор, капитан быстро добавил:

— А вашим дружкам рекомендую не вмешиваться. Вы задержаны до выяснения всех обстоятельств.

Подбежавший Прохор дёрнул дверь машины, но капитан успел её заблокировать.

— Товарищ капитан, на каком основании вы задерживаете моего товарища? — требовательно спросил Прохор, когда полицейский открыл окно.

— Волков, я не обязан перед вами отчитываться. Но скажу, чтобы вы передали вашим друзьям-свидетелям: гражданин Игнатьев задержан.

— На каком основании?

— Мы задерживаем вашего гостя за укрывательство оружия и драку на участке кооператива Долматова.

— Подождите, тут что-то не так! — возразил Прохор. — Лейтенанту Пономарёву

все свидетели дали показания — кто затеял драку, по какой причине она началась. При наличии такого количества свидетелей вы не имеете права задерживать моего товарища.

— Ваш товарищ не имеет права приезжать в гости с автоматом, — начал выкрикивать капитан, — не имеет права стрелять, не имеет права вводить в заблуждение полицию, что он не знает, куда пропало его личное оружие! Всё!

Капитан закрыл окно. С разгневанной физиономией пересел с заднего сиденья за руль, махнул рукой нарисовавшимся рядом с машиной Роме и китайцу. Прогазовав узик, капитан развернул его и выехал на дорогу. Машина Ромы с китайцем последовала за ними.

Прохор по инерции прошёл несколько шагов вперёд, не зная, что теперь делать, оглянулся — все его гости с растерянными лицами направлялись к нему.

Гости и друзья были расстроены, хорошее настроение улетучилось. Все возмущались, понимали, что надо бороться за освобождение Кирилла, но не знали, с чего начать. К тому же вся компания гадала, куда мог пропасть автомат и кто его похитил. Марина Львовна даже выдвинула версию, что, возможно, автомат забрали поиграть местные ребяташки, которых она видела около дома Прохора в первый приезд. Прохор опроверг эту версию, заметив, что машина была закрыта. Гриша, который уже прилично выпил и решил сегодня не возвращаться ни в Ступино, ни в Москву, вспомнил, что все машины одно время стояли открытыми перед воротами и, возможно, кто-нибудь из ребят заглянул в багажник и забрал автомат.

Только одна Елена не потеряла самообладания. Она достала из сумки записную книжку, устроилась на втором этаже и стала обзванивать знакомых, которые могли бы помочь освободить Кирилла. Этот большой, бородатый, похожий на протоирея Кирилл произвёл на неё какое-то неотразимое впечатление. Ей понравилось, как он держался, с какой дерзостью и гордостью отвечал поли-

цейскому, а то, что он инвалид, она даже не брала в голову.

«А потом какой он инвалид? — думала она. — Инвалид — человек, утративший трудоспособность, а он работает в охране, крепкий, отлично выглядит и ходит ногами, а то, что сбиты пятки, так ведь на то и берцы, чтобы было удобно».

Елена названивала больше часа, пока не вспомнила то, что нужно. Она связалась с подругой, у которой сестра была замужем за заместителем прокурора города Москвы, курирующим вопросы управления по надзору за процессуальной деятельностью органов Следственного комитета Российской Федерации.

Подруга с симпатией относилась к Елене, поддерживала её увлечение деурбанизацией и не раз говорила в компании: «Если вы хотите что-то услышать, спросите мужчин. Если вы хотите, чтобы что-то было сделано, попросите Елену».

Огорчало подругу только то, что после развода Елена так и не нашла такого человека, от которого бы её сердце растаяло. Забота об арестованном Кирилле и история конфликта, горячо рассказанная Еленой, подсказали подруге: если Елена так просит поддержать, значит, это становится для нее делом жизни, — и надо позвонить сестре, убедить её мужа помочь.

Дальше всё покатило по закону «телефонного гипноза»: подруга позвонила, подробно рассказала всё сестре, потом всё пересказала мужу сестры — так и закрутилось.

В связи с тем что Кирилл задержали, а Гриша перебрал с коньяком, гостям пришлось остаться на ночь в Кремнёвке. Мужчины решили переночевать у Прохора. На втором этаже дома стало тепло, нашлись два широких матраца, на которых все могли уместиться. Женщин забрал к себе Виктор Георгиевич. Аня и Марина Львовна так за день устали от эмоций и впечатлений, что, приняв душ, сразу пошли спать в угловую комнату дома. Виктор Георгиевич отправился повидать мать, а Елена устроилась в холле. Спать

ей не хотелось, она перебирала «по косточкам» события дня и никак не могла успокоиться.

Было ещё не поздно, когда воротившегося от матери Виктора Георгиевича Елена уговорила прогуляться к тем участкам, которые он рекомендовал для покупки. В ту минуту, когда они подъехали к одному из торчащих из земли фундаментов, неожиданно рядом с ними очутилась крупная симпатичная женщина с завязанным на голове платком и с собакой на поводке. Виктор Георгиевич, перебивая бешеный лай пса, с трудом пытался представиться хозяйке. Наконец они познакомились.

Вера Кудрявцева, женщина лет пятидесяти, слегка полноватая, но складная и высокая, узнав цель позднего визита, тотчас пригласила гостей в дом. Тут же на столе появился самогон, маринованные, как на подбор, огурчики и солёные грибки. Вера шустро соорудила жареную картошку с дервенской мясной тушёжкой. Виктор Георгиевич оказался отличным собеседником, и вскоре разговор перешёл к покупке двух участков с фундаментами. По мере того как Елена рассказывала о цели покупки и организации по соседству большого кооперативного хозяйства, ушлая, хоть и подвыпившая хозяйка стала на глазах грустнеть.

— Это вы, значит, у меня под боком колхоз хотите устроить? Люди сюда приезжают отдохнуть, набраться за выходные сил, а вы здесь будете хороводы разводить и размножаться. Милые мои, вы ж тут второй город создадите. Шума не оберёшься, да ещё и цену сбрасываете... Пятьсот тысяч за такие участки — это ж даром. Я ведь могу ещё подождать, куда мне торопиться, не замуж ведь выходить, — подытожила хозяйка дома.

И вот тут Елена женской своей интуицией нашла выход.

— Сколько лет вы без мужа? — спросила она между прочим.

— Да уже третий год. Хоть и попилал он эту бражку, — Вера ткнула кулаком в литровую

бутыль самогона, — но хозяйство велось исправно. На всё времени хватало. А сейчас я стала зашиваться, к вечеру иногда спину разогнуть не могу. Раньше к врачам меня не заставишь, а сейчас приходится в поликлинику ехать в Каширу. Моей «Вольво» двадцать семь лет, давно на лом сдать надо, а денег на новую машину нет. Вот и надоедаю соседу, не деньгами, так хоть мёдом и самогонкой ремонт оплачиваю.

— А с нами вам и ехать никуда не придётся, — с гордостью заявила Елена. — Всё под боком будет. У нас и свои врачи, и свои автомеханики. Поднимете трубку — и через пять минут будет помощь. Наши люди — умельцы как на подбор! Кого только у нас нет! А красивых мужчин, причём вдовых и неженатых, хоть отбавляй. Наши — и по хозяйству помогут, и в Москву, если надо, по-соседски доставят. Одного я, к примеру, сразу рекомендовать могу: и непьющий, и работающий, и кандидат наук.

— Зачем мне «кандидат»? Мне нормальный мужик нужен, чтобы с ним не только поговорить, но и посмеяться можно было... — сказала Вера.

— Так наш историк — самый подходящий кандидат. Знаете, какой у него любимый афоризм: «История — дама ветренная и весёлая, пусть даже её юморок — большей частью чёрный».

— А как его зовут?

— Сергей Лукьянов, мужчина в расцвете сил, ему лет немного...

— Что значит «немного»... Сто, что ли?

— Нет, лет на сорок меньше. А выглядит чудесно. У него, кстати, тоже «Вольво», но новая. Да и квартира у него в Москве большая. Жены нет.

— И не было?

— Почему? Была.

— Значит, шутками своими довёл «до чёрного юмора»?

— Да нет, у него любимая шутка есть. Говорит, когда готовит нам в компании салат: «Почему помидор покраснел, потому что он увидел заправку для салата».

— Гм, — хмыкнула Вера и с опозданием рассмеялась.

— Что ж, ладно! Но по пятьсот — я не согласна. По пятьсот пятьдесят тысяч — продам. Если согласны, готовьте документы, я на этой неделе собиралась к сестре на пару дней, придётся отложить — не подведите.

— Не подведём! — тотчас согласилась Елена и протянула Вере руку.

— А тебе, сосед Виктор Георгиевич, спасибо за услугу.

Вера подошла к белому крашеному шкафу, достала литровую банку мёда и вручила её неожиданно смутившемуся Виктору Георгиевичу.

Когда вернулись обратно в дом, Виктор Георгиевич пошёл в свободную комнату смотреть телевизор, а Елена засела на кухне за канцелярскую работу. Надо было быстро подготовить документы для покупки двух участков и договор о совместной деятельности нового предприятия — товарищества «ЗАРЯ». После перечня участников объединения она вспомнила о новых знакомых, спасших их от китайцев, и решила предложить им тоже вступить в товарищество. Затем стала набрасывать проект договора для обсуждения всеми участниками.

«Члены настоящего простого товарищества «ЗАРЯ» вкладывают имущество и усилия для совместного достижения общих целей.

1. Строительство двух домов — гостиниц. Проживание строителей в автодомиках. Лес — свой, что значительно снизит затраты на строительство. Отв. — Григорий, Дима, консультант — Виктор Георгиевич.

2. Коммуникации (интернет, водопровод, дорожки и пр.). Отв. — Дмитрий.

3. Мастерская для производства и ремонта электроники, для металло-деревообработки и пр. Отв. — Дима, возможно, Прохор как автомеханик.

4. Аграрные работы (закладка сада, теплиц и пр.). Отв. — Данила?

5. Проведение оздоровительно-образовательных фестивалей для гостей общины. Отв. — Елена? Марина?

Координация деятельности и распределение результатов осуществляются безо-

платным, многоравнолидерным Советом старейшин в соответствии со следующими правилами.

1. Прибыль от совместной деятельности распределяется пропорционально личным вкладам. Учёт трудового и имущественного вкладов производится каждым соратником, вносящим свои трудочасы, результаты труда и имущество, выделенное им в общее пользование, в онлайн таблицы, сверяемые всеми участниками. Отв. за сверку таблиц — дежурный старейшина.

2. Общие расходы покрываются за счёт общего имущества и прибыли товарищества, а в случае убытков Совет старейшин принимает решение, за счёт каких фондов и имущества их покрыть, исходя из анализа причин убыточности.

Статья о взаимоотношениях между участниками товарищества.

1. Приём в группу новичков по рекомендации 3-х старейшин после испытательного срока.

2. Выход из группы по своевременному уведомлению (за месяц). Выходящему возмещается эквивалент его доли в общем имуществе товарищества, определяемой на день выхода. Товарищество не может гарантировать возвращение трудового вклада.

3. Участник может подарить или продать свою долю в недвижимом общем имуществе другому участнику (предпочтительно), либо (только с согласия остальных участников) третьему лицу».

* * *

Когда Елена заканчивала статью «Взаимоотношения между участниками товарищества», на её мобильном телефоне раздался звонок с незнакомого номера. Было уже начало одиннадцатого, поэтому можно было на него не отвечать, но что-то ей подсказывало: возможно, этот звонок связан с арестом Кирилла.

Словосочетание «взаимодействие между участниками» уже вызывало в ней некие ро-

мантические чувства. Она сама себе призналась, что неотрывно думает о нём. Думает и опасается, боится и ждёт встречи...

Елена уже была готова ответить, как вдруг телефон замолк. Она стала ругать себя, и в этот момент мобильный зазвонил снова. Острое чувство счастья переполнило её. Она схватила телефон, но услышала не тот голос, который ждала. Оказывается, звонил Прохор. Правда, он сообщил радостную весть: вопрос с освобождением Кирилла Игнатьева решён.

Далее Прохор подробно пересказал ей то, что передал Кирилл:

— Кирилл говорит, что всё было круто. Вначале в Каширское отделение полиции поступил звонок из Центрального отделения полиции в Москве. Затем в Каширском отделении полиции нашли других полицейских — поглавнее чином, чем приезжавший капитан Головки. Они постановили, что, согласно статье 110, мера пресечения в виде содержания под стражей задержанному Кириллу Игнатьеву незаконна и отменяется. А дальше вообще супер: участнику СВО Кириллу Игнатьеву полиция обеспечивает бесплатный проезд к месту задержания. Так что нашего героя сейчас везут со всем уважением и почтением в Кремнёвку. Между прочим, я ему сообщил, что его освобождением занималась Елена. Узнав это, он по дороге купил цветы, шампанское и хочет увидеть свою спасительницу. Просит разрешения ненадолго заехать к Виктору Георгиевичу и отблагодарить. Что ему передать?

— Если он знает ко мне дорогу, то передайте ему, что я его жду.

— Он знает! — уверенно воскликнул Прохор. — У Виктора на крыше два больших аиста.

Когда во двор Виктора Георгиевича въехала полицейская машина с включёнными фарами, Елена прошептала начало молитвы: «Господи, дай мне всецело предаться воле Твоей святой, наставь и поддержи меня». Тут же отругала себя за несвойственное ей девичье волнение, словно до сих пор не встречалась с мужчинами и не была замужем. Однако

сердце говорило и «примеряло» что-то иное — серьёзное и важное.

— Если это так, — убеждала она себя, прокручивая в голове мелькающие мысли, — то я сразу это увижу, пойму, распознаю... Значит, это событие — одно из тысячи.

Когда он вошёл с цветами, с ходу поставил на стол бутылку шампанского и поцеловал кончики её пальцев, она ощутила, что от него пахнет потом, что зубы нечищенные, но это её только подхлестнуло: отмоем, отчистим — главное, что он появился.

Будто прочитав ее мысли, он стал извиняться:

— Держали в камере, да ещё всё время насмеялись, что инвалид, а веду себя как Робин Гуд. Вот уж действительно, как сказал Михаил Бубличенко, «славянам издревле был известен способ восстановления справедливости путем испытания железом».

— Бубличенко, — повторила она с волнением. — А я не знаю, кто такой Бубличенко...

— Да это я вычитал в эзотерическом словаре, когда учился в Воронеже в библиотечном техникуме.

— Да мы, оказывается, образованные? — радостно улыбаясь, пошутила она.

— Ну, не как Ломоносов, из Холмогор — в Москву. Мы — воронежская разнесуха!

Он протянул ей букет роз и запел тенористым высоким голосом:

— Шёл казак на побывку...

У нашей Катю

Неделька...

Как сорву я красну розу,

Ах, вы сени мои сени.

Пояснил сам:

— Это воронежская частушка-нескладушка, помню ещё со школы.

Неожиданно на кухню пришёл Виктор Георгиевич.

— А я смотрю — полицейская машина. Подумал, неужели за мной? А тут, оказывается, героя привезли. Отпустили?

— Подчистую, даже извинялись.

— Вот что значит женская сила. Слышал я, как она на втором этаже переговоры вела. Надо отметить. Шампанское — хорошо, но Тимур мне с собой бутылку коньяку и мясо упаковал, так что праздник продолжается.

— Да мне бы фейс помыть и буцы сбросить, а то укатали сивку крутые горки.

— Так давай в баню! Девочки ваши уже мылись.

— А кто здесь? — удивился Кирилл.

— Аню, меня и Марину приютил Виктор Георгиевич, а мальчишки остались у Прохора.

— Вот как! Здорово, что вы не уехали.

— Да мы тут такие дела с Еленой раскрутили, что теперь не до отъезда. Надо ковать железо, пока горячо.

— Значит, меня привезли вовремя, — весело отреагировал Кирилл.

— Вовремя, вовремя! А пока давай-ка ты в баню, а мы закусь приготовим. За освобождение надо выпить.

— Куда идти?

— Вправо от дальней комнаты — сауна, — показал рукой Виктор Георгиевич, — купайся, я тебе халат на диване оставлю.

Кирилл пошёл вперёд, но неожиданно остановился, присел на стул и с остервенением сбросил высокие кожаные берцы. Оглянулся на Елену, словно извиняясь, и поковылял в указанном направлении.

Минут через пятнадцать он появился в белом халате, присел, чтобы надеть свои берцы, и заметил, что они сияют, словно новенькие. Удивлённо уставившись на сидевших за столом Елену и Виктора Георгиевича, Кирилл спросил:

— Это ж кто по моим «скороходам» прошёлся?

Виктор Георгиевич обеими руками указал в сторону Елены и добавил:

— Я только выделил обувной крем для кожи.

Кирилл молча надел берцы, подошёл к столу и так посмотрел на Елену, что Виктору Георгиевичу стало неловко, словно он под-

смотрел в замочную скважину на голую соседку.

Они посидели недолго. На ночь никто наедаться не хотел, поэтому выпили шампанского, потом мужчины добавили коньяку, и вскоре Виктор Георгиевич, видя, что «молодые» не сводят друг с друга глаз, засобирался в свою комнату. Уходя, он сообщил, где ещё есть свободные места для ночлега, и оставил их наедине.

Елена, не стесняясь, выпила ещё шампанского и тихо спросила:

— Устал? Может, пойдёшь отдыхать?

— Нет, не устал и не пойду. Не гони!

— Нет-нет, я пока спать не хочу. Завтра надо придумать, как попасть в Каширу, нужно оформлять большой участок и два малых.

— Что за малые?..

— Мы съездили с Виктором Георгиевичем к хозяйке двух участков, примыкающих к большому. Договорились, что купим каждый по пятьсот пятьдесят тысяч. На этих участках есть фундаменты под дома, подведена вода и электричество. И всё рядом с нашим головным местом. Вот набросала правила товарищества, — показала она на листки бумаги на краю стола. — Кстати, возникла мысль вас подключить к нашей группе, раз уж мы вместе боролись за общее дело. Есть такой философ Фёдоров, который написал книгу «Философия общего дела». Мы многое отсюда усвоили.

— Фёдорова я не читал, а вот общее дело — это правильно. Рядом с вами и мы подтянемся. Думаю, ребятам эта идея понравится. Вам ведь и охрана, и защита будет нужна. Семён у меня в бригаде сменщик, а Тимур — Молибог — повар, всегда пригодится. Как только разберёмся с местными азербайджанцами, можно поговорить.

— А что за разборки? — тревожно спросила Елена.

— Нашего Прохора обворовали. Станки они у него украли. Причём чужие, на время у Виктора Георгиевича одолжил. Мы приехали ему помочь их вернуть. А тут вы со своими проблемами, вот и получилось: «Там, где дво-

им не очень тесно, и троим найдётся место».

Кирилл подсел ближе к Елене и обнял её.

— Спасибо тебе, Леночка. Сидел за решёткой и почему-то знал, что ты выручишь. Автомат-то куда спрятала?

— Там куча дров, вытащила два полена и засунула туда автомат.

— Не знал, не ведал, что встречу тебя здесь.

Она замерла, не сопротивляясь.

— Давай выпьем за Божью длань, — прошептал Кирилл.

— За Божью длань? Почему?

— Мама мне не раз говорила, что женщина и мужчина, предназначенные друг для друга, выбраны сердцем Божиим.

— Красиво. Мудрая у тебя мама.

— У меня только мама. Ты на неё похожа. Я как тебя увидел, сказал себе: если Бог есть, то эта женщина будет моей.

Елена не удержалась, прикинула к нему и шепнула:

— Останься, ты все мои осколки собрал.

Она осторожно перебрала пальцами его распушённые после бани волосы, засмеялась и вновь шепнула:

— Мой отец часто говорил: «Когда-нибудь всё обретает смысл». Странно, мы оба родителей вспомнили?

— Не странно. Они рядом, благословляют.

Он крепко и долго поцеловал её. Оба поняли, что завтра отменяется.

* * *

Но «завтра» не отменилось. Дел было столько, что Елена, проснувшись первой и приведя себя в порядок, быстро подняла Кирилла и бросилась готовить завтрак. Когда возник разговор, что Елене надо с документами ехать в Каширу, Кирилл позвонил Прохору, и тот пригнал «Ладу» к дому Виктора Георгиевича. В машине оказался Тимур. Оказывается, Прохор без Кирилла принял решение послать на разведку в кафе «Ласточка» полурмянина Тимура, похожего на человека всех национальностей разом.

После короткого совещания за завтраком решили, что Аню, Марину Львовну, Диму и француза Жан-Пьера повезёт в Москву, когда отоспится, Григорий, а Кирилл по дороге в Каширу забросит Тимура в кафе «Ласточка». Понимая, что нужна конспирация, Виктор Георгиевич вызвался после разведки забрать Тимура из кафе на своей «Приоре».

Кафе «Ласточка» находилось на дороге, ведущей к Московской трассе. Место было удобное, поэтому водители до броска на Москву перекусывали в этом небольшом кафе, наполненном острыми запахами аджики, кориандра и хмели-сунели.

Кирилл довёз Тимура до автобусной остановки, высадил, и они с Еленой поехали в Каширу. Тимур на всякий случай взял с собой вещмешок, гитару и, работая под «калику переходящего», направился в кафе. Шёл он в кафе какой-то кошачьей походкой, словно на ловлю мышей.

В русском народном эпосе «калики переходящие» — бродячие певцы — упоминаются ещё в самых древних рукописях и былинах. Незаслуженно забыто, что они помогли Илье Муромцу стать великим богатырем. К чему-то похожему готовился и Тимур. На всякий случай он придумал легенду, что ему надо добраться в Ростов-на-Дону к любимой девушке-парикмахеру. Что якобы он по неосторожности и из-за взрывного характера с ней поругался и теперь сожалеет.

Кафе было выкрашено в зелёный цвет и, казалось, с ласточками не имеет ничего общего. Только на стёклах окон были нарисованы какие-то птахи, больше похожие на воробьёв. Правда, на входе висела большая птичья клетка, в которой суматошно из угла в угол металась канарейка, цепляя крыльями и лапками какие-то звенящие детали своего домика.

Когда Тимур вошёл в кафе, никто на него не обратил внимания. За длинной стойкой бара с кофемашиной, со всевозможной под стеклянными колпаком сдобой и тарелками с демонстрируемой едой возвышалась неопределённого возраста, крупная, с пышной

грудью и броским марафетом женщина. Она энергично протирала стойку и о чём-то говорила с сидящей рядом красивой девушкой в спецодежде. В глубине бара тянулись полки с бутылками всевозможных напитков, ясно было, что кафе имеет лицензию на алкоголь.

Тимур быстрым взглядом окинул присутствующих и, озираясь по сторонам, пошёл к бару. По стенам висело много декоративных тарелок, а под ними стоял диван с белыми и полосатыми подушками. Рядом своеобразным «зонтиком» возвышалась большая пальма с ветками, спадающими на диван.

«Восток — дело тонкое, — вспомнил Тимур старое выражение, — возможно, здесь днём не пьют, а ночью встречаются с невольницами».

С левой стороны довольно обширного зала за длинным столом, освещённым винтажными люстрами, сидела группа мужчин южной внешности. Они разговаривали шумно, порусски, иногда добавляя реплики на своём языке. Пили они в основном кофе, только у одного была бутылка пива, и он демонстративно потягивал из горлышка. По всей видимости, компания сидела давно, вокруг было много пустых чашек, все знали друг друга, потому что на чью-то шутку засмеялись вместе и громко. Справа спиной к этой группе сидел пожилой сутулый человек, который заметил Тимура, когда он заказывал кофе.

Увидев, что на него обратили внимание, Тимур улыбнулся барменше и девушке рядом с ней и с чашкой кофе направился к тому человеку.

— Приятного аппетита, — любезно начал Тимур, заметив, что мужчина ест яичницу с беконом.

— Благодарю, дома не успел позавтракать, торопился, — без особого настроения ответил пожилой человек. — Вот ждём, а хозяина всё нет и нет. Спросил продавца, — он показал в сторону сидящей рядом с барменшей девушки, — и узнал, что Шахин звонил, выехал и вскоре будет.

— А кто такой Шахин? — кося под простака, спросил Тимур.

— Как кто? Хозяин всего, что здесь есть, — Гаджиев Шахин Юсуфович. Это кафе, ну и весь супермаркет — всё его.

— Разве это продовольственный супермаркет? — удивился Тимур.

— Нет, в основном хозяйственно-промышленный. У Шаха около трёх тысяч продуктов промышленной группы. Я у него хочу материал для дачи заказать.

Тимур почувствовал, что этого человека можно разговорить, но прежде всего представился:

— Меня зовут Молибог, — неожиданно перешёл на кличку Тимур. — А вас?

— Саша. Александр Иосифович, — любезно ответил сосед и с удивлением уставился на Тимура. — Какое странное у вас имя — Молибог?

— Да это родители так решили. Какой-то фильм в молодости смотрели. Там их любимый артист повара играл, вот и назвали. Я даже фильм этот не видел.

— Повара? А, кажется, я припоминаю. Это старый фильм «Семеро смелых». А любимый артист ваших родителей, по всей видимости, Пётр Алейников. Выпивал он лихо, но артист был гениальный.

— Да-да, точно, мать когда-то называла это имя. Вы что, кинематографом занимаетесь? — с интересом продолжил Тимур.

— Да нет, я филолог. Кандидат наук. Защищал диссертацию по творчеству Фадеева. А кино люблю. Герасимов снял «Молодую гвардию», а раньше — «Семеро смелых», вот почему я помню про вашего Молибога. Однако имя вам родители дали довольно странное.

— А разве, положим, имя «Шахин» не странное? — провокационно спросил Тимур.

— Шахин — совсем другое дело, к кино оно не имеет отношения. Имя «Шахин» связано с птицей сокол, символизирует смелость, быстроту, — стал объяснять филолог. — Правда, сам Шахин считает, что его имя от персидского слова «шах», связано с властью и лидерством. Вон какое хозяйство у него здесь! Между прочим, за моей спиной, — перешёл на шёпот сосед, — сидит провин-

циальная азербайджанская мафия, они здесь во всех «дырках» командуют. — Александр Иосифович незаметно обернулся к сидящей за его спиной компании и, видя, что те заняты разговором, продолжил: — <...> Кстати, Лужков умел их приструнить, но со времен «черкизовской империи» Тельмана Исмаилова Москва демонстрирует удивительную покладистость и мягкость...

— Тогда почему вы с ними имеете дело?

— Я пять лет назад из Екатеринбурга сюда переехал, к дочери. Помогаю ей после смерти мужа дачу достроить. Нужна половая доска. Только у Шаха она есть, и то недавно появилась. Но по старой памяти он берёт с меня по-божески. В Ступино есть хозяйственный, так там в три раза дороже. Шах обещал мне помочь. Мне на холл нужно два умножить на 0,2. Получается, 0,4 куб. метра.

— А как же вы всё это погрузите и перевезёте?

— В Лидах ребят найду. Там у меня Матвей — палочка-выручалочка.

— А то смотрите, я мог бы помочь.

— Спасибо, но сегодня я только договарюсь. Грузить потом будем, он скажет. Когда узнали, что у него появилась строганая половая доска, охотников много нашлось.

Услышав о строганой половой доске, Тимур понял: «горячо». Не исключено, что станки Виктора Георгиевича могут быть у Шаха. В это время за окнами кафе проехала красивая машина, все сидящие за столом засуетились, стали вставать. Один из компании пошёл к бару расплачиваться, а молодая девушка-продавщица первой выбежала из кафе.

— Ну вот, мне пора, а то я буду последним в очереди. Рад был с вами познакомиться, — стал прощаться Александр Иосифович.

— И я рад! — ответил Тимур и с благодарностью вспомнил дагестанца, который дал наводку на это кафе.

Распровавшись с барменшей, Тимур вышел из кафе и, отойдя с километр, позвонил Виктору Георгиевичу.

— Всё в порядке! — доложил он голосом человека, убежденного, что выполнил зада-

ние. — Я на сто процентов уверен, что станки у Шаха.

— А кто такой этот Шах? Гаджиев, что ли? — спросил Виктор Георгиевич.

— Подгоняй машину, я всё расскажу. Я стою на повороте, около указателя «Каширский совхоз».

— Знаю, где это.

— Но это не всё! У меня есть план возвращения твоих станков. Поедем к Прохору, обо всём доложу.

* * *

После встречи с начальником территориальной политики администрации городского округа Кашира и с начальником управления жилищно-коммунального хозяйства у Елены уже было полное понимание, как действовать дальше. Вслед за получением недостающих документов и знакомства с первым заместителем главы округа с колоритной фамилией Тартаров, нежданно-негаданно поддержавшим идею организации товарищества, Кирилл отвёз Елену в Москву. Возвратился он к вечеру, проведя в гостях у Елены полдня.

Приехал Кирилл с подарками — с хорошим ноутбуком NTEX H16, USB-модемом для интернета и со старенькой, но работающей кофемашиной с двумя коробками кофейных капсул. К тому же в крепкой плетёной авоське оказался большой запас варенья из яблок.

Когда Тимур повторно рассказал Кириллу и вернувшемуся с работы Сергею о своём посещении кафе «Ласточка» и знакомстве с Александром Иосифовичем, все, не умолкая, стали предлагать свои планы возвращения станков. Только один Сергей заметил, что все высказанные идеи упираются в одно важное обстоятельство.

— Какое? — чуть ли не хором воскликнули все.

— Очень важное. Уверен, что этот Шахин заплатил ворами какие-то деньги. Забрав любым из предложенных способов станки, мы получим в лице Шахина и его, уверен, не-

маленькой компании врагов. Поскольку, по моим сведениям, азербайджанская мафия и в Москве, и в Питере самая богатая и мощная, мы приобретём таких противников, что мало не покажется.

<...>

— Вы думаете, Шахин не знал, что эти станки краденые? — спросил Прохор. — Как правило, «ломовики» возят разную дрянь, и вдруг на тебе — вполне хорошие деревообрабатывающие машины. Конечно, он сразу приспособил их к делу — теперь продаётся половая доска.

— Всё понятно, но как эти станки вернуть назад? — спросил до сих пор молчавший Виктор Георгиевич.

— Во-первых, надо убедиться, наши ли это станки, — скептически заметил Сергей. — Во-вторых, как и чем их оттуда выудить? Там же и днём и ночью есть охрана.

— Мне, кстати, нужна половая доска, — перебил Виктор Георгиевич, — я могу поехать, когда там идёт работа, и всё узнать.

— Вот это уже кое-что, — согласился Прохор. — Надо договориться с водителем эвакуатора, который перевозил эти станки ко мне, подогнать его ночью и вернуть на место к Виктору Георгиевичу.

— Ну да, охранника убить из автомата, — вставил Сергей.

— Зачем убить? — вмешался Семён. — Надо его напоить. У меня есть баночка «Донормила». Когда болит голова, я принимаю полтаблетки и быстро засыпаю. От целой таблетки сторож заснёт до утра.

Тимур поднял руку и попросил тишины. Все замолкли, уставившись на Молибога.

— Вот мой план. Поскольку я уже в кафе был и всё видел, предлагаю следующее: там есть хорошенькая продавщица. Мы с ней уже конкретно перекинулись взглядами. Кажется, я ей понравился. Теперь остаётся познакомиться, задержаться как-нибудь вечером... Придёт на смену охранник — предложить ему по рюмочке-другой с этим... как его?..

— С «Донормилом», — напомнил Семён.

— С девушкой я помелькаю в кафе, а потом отправимся на автобусе в Каширу смотреть какой-нибудь фильм. Кто-то из вас, скорее Семён, выследит, когда охранник начнёт «кивать» и где-нибудь заляжет. Ворота там отсутствуют, всё хозяйство разбросано по павильонам, поэтому болгаркой срежем замок на дверях цеха, подгоним эвакуатор и отвезём станки на место.

— На какое место? К Виктору Георгиевичу? — спросил Сергей.

— Да-да, к твоему дяде, Сергей. Выполнение моего плана займёт не более тридцати-сорока минут. Хватятся только утром, а мы в это время будем видеть «запредельные миры»...

— План неплохой, — согласился Кирилл, — но если что-то пойдёт не так и узнают, кто забрал станки, то, братцы мои, это война...

Все разом замолчали и уставились друг на друга.

— Ну что ж, — подвёл итог Прохор, — «кто не курит и не пьёт, тот таскает миномёт». Другого плана у нас нет, поэтому предлагаю утвердить этот. — Он помолчал, потом неожиданно заговорил каким-то другим тоном, словно каждое слово им когда-то было продумано и хранилось в памяти: — Когда наши ребята вернутся с фронта, мы покажем, что с русским медведем придётся считаться. Мы, конечно, ещё хлебнём лиха, но ничего — не в первый раз. Нас хорошо за последние десятилетия дрессировали: отцы прошли Чечню, тогда одной страны уже не было, другая превратилась в мафию. Воинам-афганцам власть всё-таки, скрипя зубами, начала помогать. А сейчас ситуация другая... Нам надо знать заранее, с чем мы столкнёмся, к чему готовиться в ближайшем будущем.

Разберёмся с мафией. Потом — хошь не хошь, а надо, дорогие «мушкетёры», брать голову в руки и обустроиваться. Хватит время за коньяком проводить. Я с Серёжкой автомастерскую сделаю, вы у себя что-то наладите. Бабка Серафима права, мы — не потерянное поколение.

— Правильно, Прохор, — подхватил Кирилл, — вы знаете, мы с Еленой были в Кашире. Она с окружным руководством встречалась. Я, вам скажу честно, охренел. Идею с товариществом там поддержали. Но главное, она зовёт всех нас в их компанию.

Вчера я видел план работы, скажу вам честно, мне он понравился. Виктор Георгиевич, оказывается, помог ей договориться ещё о двух участках. Она намерена построить здесь два дома-гостиницы. Я вам скажу, это отличная идея — жить, работать и отдыхать в сельской местности, посвящая время семье, детям. Признаюсь, мне это нравится больше, чем торчать в будке на проходной и смотреть, чтобы не проскочил какой-нибудь крот. Притом Елена не розовый романтик, а опытный специалист биолог, кандидат наук.

Здесь удивительный воздух, рядом Ока. Потом не вечно же нам в холостяках ходить, пора яйцами погремать, — со смехом продолжил Кирилл, — я ведь не слепой: Серёга приударяет за Мариной, Семёну нравится Аня. Я вам по секрету скажу, здесь может увеличиться рождаемость, возрастёт продолжительность жизни. Я, несмотря на свои культяпки, хочу жить до ста лет. А вообще, не судьбоносно ли наше появление здесь? Виктор Георгиевич, я всё верно излагаю?

— Да, всё верно. Эти новые участки рядом с тем, который вы видели. Строительство домов она хочет начать в ближайшее время. Но сначала завезут бытовки, чтобы строителям было где жить. Это очень недорогие, хорошие участки с подведённой водой, электричеством и фундаментом.

— Пацаны, я сказал ей, — подхватил Кирилл, — соберёмся с ребятами, поговорим и тогда дадим ответ.

— Да, план хорош, но он потребует много денег, — вмешался Тимур.

— Под строительство товарищества дадут приличный кредит, а там, гляди, зацветёт русское поле и всё окупится, — ответил Кирилл. — Твоей автомастерской, Прохор, это товарищество не помеха. Если привезут бы-

товки, то там и нам место найдётся. Будем помогать строить и охрану обеспечим. Ребята, надо поддержать наших подопечных, мы теперь за них в ответе.

— Поддержим, — подал голос Сергей.

Без особых споров с ним согласились и другие.

Уже прощаясь, Виктор Георгиевич отвёл в сторону Прохора и сообщил, что утром в одиннадцать — собрание жителей Кремнёвки по поводу ремонта дороги.

— Тебе, Прохор, надо обязательно быть. Ты коренной житель Кремнёвки. Будет начальство из Каширы, необходимо добиться, чтобы нам сделали дорогу.

— А где будет собрание?

— На повороте к Кремнёвке, около родника.

— Хорошо, в одиннадцать буду.

На следующий день с утра после завтрака «мушкетёры» стали помогать Прохору наводить порядок на участке. Вскоре появились грядки, у старой теплицы поправили двери, затагнули оставшейся полиэтиленовой плёнкой дыры. За несколько часов дом и участок приобрели вполне обжитой вид. Все радовались, что у их товарища стало уютно и сам он превратился не просто в дачника, а в частного землевладельца.

Кирилл нашёл в дровянике автомат и перепрятал его в более надёжное место.

Около одиннадцати утра Прохор на мотоцикле поехал на собрание.

Тропинку к роднику перекрыли длинным бетонным брусом, чтобы слишком наглые водители не подгоняли машины к воде и не месили грязь около источника.

Народу у родника собралось человек сорок. Большинство были женщины. Они охотно общались, судачили, зная друг друга по встречам в очередях к приезжающей по средам автолавке, перебивали косточки тем, кто не явился. Мужчины держались особняком, среди них был и староста — Козлов Виктор Георгиевич.

Разговор в основном шёл о дороге, расколоченной тяжёлыми машинами, перевозящими песок из карьера, недавно от-

крытого московским олигархом Верзиным. Действительно, на сделанной наспех дороге в короткий срок появились выбоины, места провалы и ямы. Асфальт кусками сполз на обочину, и легковушки, которыми пользовались дачники и старожилы Кремнёвки, проложили среди всего этого свой, изгибистый, путь. Большинство из пришедших людей настроены были скептически:

— Ну вот, прикатили «завтраками» кормить, — громко, не стесняясь, говорила всем невысокая полная женщина лет пятидесяти с участка, названного старожилками «мельница». — Я сто раз про дорогу звонила секретарю первого заместителя главы округа Тартарову. Передайте, говорю, вашему начальнику, что скоро Кремнёвка свои машины в утиль сдавать будет, ни одни рессоры эту дорогу не выдержат. Так эта цаца «завтраками» кормит. Я ей и «врезала»: «Чем всё завтракать, так не пора ли пообедать!» А она — мне: «А вы не грубите, дорога от этого лучше не станет».

— Эх, Галя, — встряла Женя, жена Ханурика — сторожа из Ступина. — Переговоры — не уговоры. Говорят, администрации полбюджета урезали, все деньги на СВО идут.

— Ну вон же щебёнки привезли, значит, хотят ремонтировать, — подключилась бойкая Елизавета, когда-то работавшая в администрации посёлка Тарасково.

— Так они хотят, чтобы мы сами, как в ту войну, эти дырки заделывали. Вот вам, — показала Галя жест из-под руки. — Мой муж с утра до ночи на своём ООД «Сухой корм» вкалывает. Я его звала на собрание — послал меня в одно место...

— Начальство едет! — кто-то крикнул, указывая на голый взгорок дороги.

Действительно, к бетонному заграждению неспешно подъехала чёрная «Ауди», из неё вышли несколько человек. Две женщины с папками, о чём-то переговариваясь, задержались около машины. А высокий мужчина лет под сорок, в красивом костюме, с гладко выбритым худым лицом и добродушной улыбкой осторожным шагом направился к группе людей.

Народ замолк, лица у всех стали напряжёнными и злыми.

Виктор Георгиевич как староста первым пошёл навстречу и, поздоровавшись за руку, доложил:

— Евгений Сидорович, собралось тридцать восемь человек.

— Как настроены, конструктивно? — спросил на ходу Евгений Сидорович.

— Никто помогать не хочет. А молодёжи кот заплакал.

— Ну что ж, пойдём пообщаемся. Здравствуйте, товарищи, — громко начал Евгений Сидорович, встав напротив сгруппировавшихся кремнёвских односельчан. — Кто не знает, я первый заместитель городского округа Каширы Тартаров Евгений Сидорович. Вот приехал по просьбе вашего старосты Виктора Георгиевича Козлова выслушать вас, посоветоваться, что делать дальше.

Знаю, главные ваши претензии к окружному начальству, что до сих пор не отремонтирована дорога. Мне и моим коллегам, — Тартаров развернулся в сторону приехавших с ним женщин, — многие из вас звонили, требовали, чтобы дорога снова стала накатанной и удобной. Вот видите, кое-что уже сделано, — он показал рукой в сторону перекрёстка и с гордостью сообщил, — мы привезли вам нужное количество щебёнки, есть договорённость, как будут заделаны все выбоины и прорехи, мы пригласим «АсфальтСтрой», и они сделают ямочный ремонт.

К сожалению... повторяю, к сожалению... у округа нет лишних рук, которые сумели бы сделать засыпку щебнем образовавшихся дефектов. Староста Козлов выдвинул идею, что вы можете помочь, что энтузиасты эту работу сделают. Как только закончите, «АсфальтСтрой» вновь отремонтирует дорогу.

Народ недовольно загудел, посыпались реплики.

— Вот тебе на: богатейший округ — и нет людей, чтобы такую работу за деньги выполнить! Скажите прямо, все бабки на войну идут? — нервно изрёк пожилой мужчина-дачник.

Все зашумели, закивали, поддерживая выступившего.

— Деньги на СВО, товарищи, идут по другим каналам. Это деньги Министерства обороны.

— А сколько мы тратим на платные дороги? — громко, перекрывая говор и переругивание, выкрикнула Галя «с мельницы». — Взять нашу дорогу Ростов-на-Дону: была оплата по десять рублей, потом по двадцать, а сейчас аж триста шестьдесят. Разве нельзя из тех денег отчислить на нашу дорогу или мы не люди, а дерёвня?

— Товарищи, дорожная оплата имеет свою специфику: из бюджета РФ деньги идут в Минтранс, потом в «ВАД» и «Автодор». Конечно, в «Высококачественные автомобильные дороги» денег идёт больше, чем в «Автодор». Хотя «ВАД» — частная компания, а «Автодор» — государственная организация. Мы работаем с «Автодором». Повторяю, деньги на ремонт вашей дороги есть. Необходимо просто нам чуть-чуть помочь, чем быстрее вы это сделаете, тем быстрее сюда придёт «АсфальтСтрой», и вы не будете ездить по вашей дороге зигзагами, как только что ехали мы.

— Товарищ Тартаров, ну и что, что делают, — подал голос старожил Кремнёвки — военный в отставке Спиридонов. — Надо смотреть в корень! Кто вдребезги разбил дорогу? Те, кого вы пустили — по всей видимости, не бесплатно, — возить песок из карьера Оки на другие стройки. Его возят на КамАЗах грузоподъёмностью примерно 19–25 тонн. Эти самосвалы через два месяца расхреначат любую отремонтированную дорогу. Почему? Потому что «дорожную одежду» надо делать «пирогом». Что это значит? Это земное полотно, глина, песок, затем щебёночно-подстилающий слой и только потом асфальтобетонное покрытие с бордюром. По уму, каждый слой уплотняется и сдаётся заказчику. Так это делалось у нас в армии в советское время. И всё это надо скреплять по-настоящему... Скреплять не соплями, а качественной глиной, чтобы воду

не пропускала, специальным сеяным песком, природным известняковым щебнем и хорошим слоем асфальта с бетоном, которые используют на дорогах в Москве и в Питере армянские бригады.

— Ишь, куда нас послал — в Москву и в Питер! — вновь закричала Галина. — Нам бы, Спиридонов, синицу в руках, а не твои полёты в небесах. Этим КамАЗам надо вообще запретить ездить по нашей дороге. Пусть ездят в обход, по песчаной, тогда наша дорога выдержит и без армянского вмешательства.

Тем временем Прохор протиснулся ближе к начальству и, подняв руку, развернулся так, чтобы его видели.

— Ну-ка, солдат, дай им «по чесноку», а то хотят на народном горбу субботник устроить, — крикнула старуха Авдотья, живущая на краю Кремнёвки в старом довоенном доме с деревянными изразцами.

— У нас в армии шутят, — начал свою речь Прохор сильным хрипловатым голосом, — «чем длиннее тупик, тем он более похож на дорогу». — В толпе засмеялись, затем стихли и стали слушать. — Надо, чтобы эта встреча не закончилась раздором, а помогла бы найти выход. Я в Кремнёвке недавно, но вижу, народ здесь хороший, умный. Спиридонов отличную лекцию нам всем прочитал. Вывод один: надо добиться, чтобы КамАЗы возили песок обходным путём, иначе через два месяца вся работа «АсфальтСтроя» снова пойдёт насмарку.

— Правильно, молодец! — крикнул кто-то из толпы.

— А начальству округа следует срочно решить вопрос с фирмой, которая арендовала карьер, чтобы они нашли себе другую дорогу и возили песок в объезд.

— Правильно! — раздался ещё чей-то голос.

Толпа радостно загудела, люди стали переговариваться между собой.

— Теперь о субботнике, — воодушевлённо продолжил Прохор. — У меня есть предложение. В ближайшие дни я с моими товарищами по СВО, которые приехали

ко мне в гости, засыпем и затрамбуем все ямы и выбоины на нашей дороге. Если кто согласится нам помочь — милости прошу, у Виктора Георгиевича Козлова есть мой телефон.

— Вот это молодец! — крикнула Авдотья. — Смотрите, хоть и ранен был на фронте, а работать готов.

Тартаров, услышав предложение Прохора, расцвёл, заулыбался и бросился пожимать ему руку.

— Девочки, Светлана Павловна, возьмите номер телефона у этого мужчины. Как ваша фамилия?

— Волков я. Прохор Иванович Волков, — нехотя отозвался Прохор.

— Прохор Иванович, давайте держать с вами связь, — крепко пожимая обе руки Волкова, быстро застрекотал Тартаров. — Как только вы закончите эту работу, я сразу звоню в «АсфальтСтрой» и заказываю дорожную бригаду.

Все присутствующие неожиданно почувствовали, что вопрос, который всех обременял, решился так быстро, просто и без их участия, что стали от души похлопывать Прохора по плечу, вслух говорить комплименты, а старуха Авдотья прилюдно поцеловала его раненую руку. Вскоре начальство уехало на «Ауди», а Прохор завёл мотоцикл и собрался к себе.

Тут к нему подошёл Виктор Георгиевич и, пожав ему руку, заговорщицки сказал:

— Я сейчас — к Шаху. За половой доской. Постараюсь узнать, не мои ли у него станки. Ребятам передай привет. А вообще, ты большой молодец, выручил всех. Если кто из них позвонит, я тебе дам знать.

Когда Прохор поехал домой, многие возвращающиеся с собрания первыми дружески кричали ему:

— Молодец, солдат! С Богом, Прохор!

* * *

Вернувшись, он обо всём рассказал ребятам. Думал, они начнут укорять, ругать, что

выпендрился без их согласия, но неожиданно все поддержали, особенно Кирилл.

— Старик, если мы здесь нарисовались и будем помогать товариществу «ЗАРЯ», нам нужна поддержка Кремнёвки, да и всей округи. Дорогу мы заделаем, но нужен трактор. Слушай, у меня есть идея, а что, если махнуть к этому песочному буржую и в связи с народным собранием и твоим выступлением потребовать от него помощи. Уверен, что и трактор он на время может дать. Тогда мы всё сделаем в один присест, а с ним договоримся, чтобы после нашей работы гонял свои КамАЗы только в обход.

— Хорошая идея, — согласился Прохор. — Надо дождаться Виктора Георгиевича, он знает, где место этого «песочника».

— Кстати, звонила Елена, — радостно доложил Кирилл, — деньги на два участка она нашла.

— Так быстро? — удивился Тимур.

— Говорит, что «Сбер» нашёл ей риелтор-партнера через «Домклик». При связях это сейчас быстро делается. Поручила посмотреть бытовки в колтовском магазине «Домовёнок Саша». Завтра она придет с Григорием и Аней оформлять куплю-продажу с Кудрявцевой.

— Крутое название — магазин «Домовёнок Саша!» — подал голос Семён. — Давайте я адрес найду в интернете.

— Не надо, я знаю где, — сообщил Кирилл, — это на повороте с Каширской трассы на Колтово. Там огромный хозмаг, наверху вывеска «Домовёнок Саша», а снаружи полно всякой деревянной всячины вплоть до туалетов. Нам, кстати, и туалеты понадобятся, народу-то вагон и маленькая тележка.

— Вот придет Виктор Георгиевич, узнаем и про дорогу на карьер, и про бытовки, — заключил Прохор. — Были бы деньги... А под какой кустик ходить по нужде — это мы ещё на фронте усвоили.

Приезд Виктора Георгиевича и сообщение, что его станки находятся у Шаха, привел всех в боевой настрой.

— А как вы узнали? — спросил Прохор.

— А узнал я очень просто, — начал рассказывать Виктор Георгиевич, — у моего рейсмусового станка — щербинка на лезвии. Хотел менять, да не успел. А тут смотрю поверхность первой доски и вижу: точно, мой станок.

— Я до армии в ремеслухе учился на столяра-краснодеревщика, — включился Семён, — так у нас там рейсмусовые так себе были.

— Мой — строгольно-рейсмусовый «СР-4», лучший станок, новый — больше трёхсот тысяч стоит. Думаю, Шах купил у них по дешёвке.

— Ну что ж, главное мы теперь знаем: наши станки у Шаха, — твёрдо сказал Прохор. — Значит, приступаем работать по плану Тимура.

— Ребята, прошу меня туда всё-таки на машине завозить, до «Ласточки» пешком далековато, — вкрадчивым голосом заговорил Тимур. — И потом с первого раза закадрить такую тёлку вряд ли получится — нужен разбег, карманные деньги для блеска в глазах. Так что выделяйте на операцию бабки, иначе мой план провалится.

— Вот тебе пять тысяч, Тимур, — достал из портмоне деньги Виктор Георгиевич.

— Тогда и от меня — пять тысяч, — добавил Прохор, — дам, когда эти истратишь.

Раздался общий хохот.

— Машину мы тебе найдём, — уверенно сказал Прохор, — я для тебя «Вольво» у Нины-химика одолжу, так что будешь появляться там как перспективный жених.

— Виктор Георгиевич, — обратился к Козлову Прохор, — мы тут без вас прикидывали... Надо бы нам съездить к «песочнику» на карьер.

— Зачем? Заставить его гнать КамАЗы в объезд?

— А что, не получится? — спросил Прохор.

— Не знаю, если только напугать сильно, — съязвил Виктор Георгиевич. — Он ведь, наверное, с охраной живёт. Кстати, три месяца назад, когда положили асфальт, начальство уговорило дорожных работников поставить на мост знак «ограничение массы»,

запрещающий ездить машинам тяжёлого тоннажа. Недельку требование выполнялось, а потом как-то ночью запрещающий знак исчез, и всё пошло по-прежнему.

— Понятно. Виктор Георгиевич, когда мы можем к этому раздолбаю поехать? — спросил Прохор.

— Да хоть сейчас.

— Тогда вперёд.

— Вы хоть награды наденьте для авторитета, — посоветовал Виктор Георгиевич. — Только не берите оружие, там у него всяких проходимцев полно.

— Хорошо, ордена наденем, — согласился Прохор. — Но прежде посмотри, Семён, в интернете, какой штраф за нарушение правил проезда грузовиков высокого тоннажа.

Семён с ноутбука покопался в сети и громко сообщил:

— За проезд грузовой машины под запретный знак «ограничение массы» штраф от пяти тысяч до семи с половиной с одной машины.

— Виктор Георгиевич, сколько у «песочника» рейсов делает одна машина в день?

— Трудно сказать, не считал. Но точно не меньше двадцати.

— Пусть готовит каждый день по сто пятьдесят тысяч, — зло бросил Прохор, — как учил нас капитан Иволга: «Когда львы добреют, шакалы наглеют». Кстати, Кирилл, позвони, пожалуйста, Елене, узнай фамилию прокурора, который тебя освободил.

— А мне и звонить не надо, я эту фамилию на всю жизнь запомнил: Монахов Валерий Юрьевич.

— Отлично! Поехали, — скомандовал Прохор. — Я — с Виктором Георгиевичем, а все остальные — с Кириллом. Да, Семён и Кирилл, Виктор Георгиевич прав, наденьте награды.

Прохор достал из шкафа свой орден Мужества и тоже прикрепил к куртке.

(Окончание следует.)

Валерий ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ —

прозаик, драматург, режиссер, заслуженный артист России. Окончил театральное училище им. Б. В. Щукина. Служил артистом Московского театра на Таганке. Возглавлял Академический театр им. М. Ю. Лермонтова в г. Алма-Ате. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького и ГИТИС.

Автор книг «Обреченная на жизнь», «Грабли для Сатрапа», «Грязь к алмазам не пристает», «Запрет на прозрение», «Кого отмечает Бог», «Воровская яма», «Триумф и наваждение», «Неубитый театр», «Внуки».

По роману «Семя отечества» вышел телесериал «Репортёры». Лауреат литературной премии «Имперская культура» (2017). За роман «Рокировка», признанный лучшим романом 2021 года, награжден премией журнала

«Наш современник». Почетный председатель Московского отделения

Петровской академии наук и искусств.

